СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

ДОЗОРЫ

ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОР
НОВЫЙ ДОЗОР
ШЕСТОЙ ДОЗОР

Миры Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор

«Издательство АСТ»
2005, 2012, 2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ», 2005, 2012, 2014 — (Миры Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-147360-0

Продолжение легендарного цикла «Дозоры» от отечественного фантаста номер один, книги которого завоевали популярность по всему миру и уже переведены на два десятка языков. История вечного противостояния Светлых и Темных магов. Тайные боевые операции, жестокие интриги и высокая политика, белое пламя любви и ненависти, где плавятся судьбы людей и Иных, отстаивающих свою истину…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147360-0

© Лукьяненко С., 2005, 2012, 2014
© Издательство АСТ, 2005, 2012, 2014

Содержание

Последний Дозор 6
Часть первая. Общее дело 6
Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 17
Глава 3 29
Глава 4 41
Глава 5 52
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Сергей Лукьяненко
Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор

© С. Лукьяненко, 2005, 2012, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Последний Дозор

Моей жене Соне и сыну Теме с любовью.
Автор

Данный текст допустим для сил Света.
Ночной Дозор

Данный текст допустим для сил Тьмы.
Дневной Дозор

Часть первая. Общее дело

Пролог

Лера смотрела на Виктора и улыбалась. В каждом мужчине, даже самом взрослом, живет мальчишка. Виктору было двадцать пять, и он, конечно же, был взрослым. Валерия готова была отстаивать это со всей убежденностью влюбленной девятнадцатилетней женщины.

– Подземелья, – сказала она на ухо Виктору. – Подземелья и драконы. У-у-у!

Витя фыркнул. Они сидели в комнате, которая была бы грязной, не будь она такой темной. Вокруг теснились возбужденные дети и смущенно улыбающиеся взрослые. На разрисованной мистическими символами сцене кривлялся молодой парень с белым от грима лицом и в развевающемся черном плаще. Снизу его подсвечивало несколько багровых лампочек.

– Сейчас вы встретитесь с ужасом! – протяжно кричал парень. – А! А-а-а! Мне самому страшно от того, что вы увидите!

Произношение у него было таким четким и артикулированным, каким оно бывает только у студентов театральных училищ. Даже Лера, плохо знающая английский язык, понимала каждое слово.

– Мне понравились подземелья в Будапеште, – прошептал ей Виктор. – Там реальные старые подземелья… очень интересно.

– А здесь всего лишь большая комната страха.

Виктор виновато кивнул. Сказал:

– Зато прохладно.

Сентябрь в Эдинбурге выдался жарким. Утро Витя и Лера провели в королевском замке, центре туристического паломничества. Перекусили и выпили по пинте пива в одном из бесчисленных пабов. И вот – нашли куда спрятаться от полуденного солнца…

– Вы еще не передумали? – завопил лицедей в черном плаще.

За спиной Леры послышался негромкий плач. Она обернулась – и с удивлением обнаружила, что плачет взрослая уже, лет шестнадцати, девушка, стоявшая рядом с матерью и маленьким братом. Откуда-то из темноты вынырнули служители и быстро увели всю семью.

– Вот это обратная сторона европейского благополучия, – наставительно сказал Витя. – Разве в России взрослая девушка испугается комнаты страха? Слишком спокойная жизнь заставляет их бояться любых глупостей…

Лера поморщилась. Отец Виктора был политиком. Не очень крупным, но очень патриотичным, всегда и везде доказывающим ущербность западной цивилизации. Впрочем, это не помешало ему отправить сына учиться в Эдинбургский университет.

И Виктор, десять месяцев в году проводя за пределами родины, упорно повторял отцовскую риторику. Такого патриота, как он, в России было еще поискать. Это Леру порой смешило, а порой и немного злило.

К счастью, вступительная часть закончилась – и началось медленное передвижение по «Подземельям Шотландии». Под мостом, вблизи железнодорожного вокзала, в каких-то унылых бетонных помещениях предприимчивые люди разгородили маленькие клетушки. Ввернули слабые лампочки, развесили повсюду обрывки тряпок и синтетическую паутину. На стены поместили портреты маньяков и убийц, бесчинствовавших в Эдинбурге за его долгую историю. И стали развлекать детей.

– Это испанский сапог! – с завываниями сообщала девушка в лохмотьях, их гид в очередной комнате. – Страшное орудие пыток!

Дети визжали от восторга. Взрослые сконфуженно переглядывались, словно их застали за пусканием мыльных пузырей или игрой в куклы. Чтобы не скучать, Лера с Виктором становились позади и целовались под болтовню экскурсоводов. Они были вместе уже полгода. Обоих преследовало необычное ощущение, что этот роман станет для них чем-то особенным.

– Сейчас мы пройдем зеркальным лабиринтом! – сообщил экскурсовод.

Как ни странно, это оказалось действительно интересно. Лера всегда считала, что описание зеркальных лабиринтов, в которых можно заблудиться и со всего маху налететь лбом на стекло, – преувеличение. Ну как можно не увидеть, где зеркало, а где проход?

Оказалось, что можно. Оказалось, что очень даже легко. Они со смехом толкались в холодные зеркальные грани, размахивали руками, блуждали в галдящем людском хороводе, внезапно превратившемся из горсточки в толпу. В какой-то момент Виктор призывно замахал кому-то рукой, а когда они все-таки вышли из лабиринта (дверь была тоже коварно замаскирована под зеркало), долго озирался.

– Кого-то ищешь? – спросила Лера.

– А, ерунда. – Виктор улыбнулся. – Чушь.

Потом было еще несколько залов с мрачными атрибутами средневековых тюрем, потом – «Кровавая река». Притихшие дети погрузились в длинную металлическую лодку, и та медленно поплыла по темной воде «в замок к вампирам». В темноте раздавались зловещие смешки и угрожающие голоса. Хлопали над головой невидимые крылья, журчала вода. Впечатление портило только то, что лодка проплыла от силы метров пять – дальше иллюзию движения создавали дующие в лицо вентиляторы.

И все-таки Лере стало жутко. Стыдно за свой страх, но все-таки жутко. Они сидели на последней скамье, рядом никого не было, впереди стонали и хихикали изображающие вампиров актеры, сзади…

Сзади было пусто.

Но ей упорно казалось, что там кто-то есть.

– Витя, мне страшно, – беря его за руку, произнесла Лера.

– Глупая… – прошептал Виктор ей на ухо. – Только не заплачь, ладно?

– Ладно, – согласилась Лера.

– Ха-ха-ха! Вокруг злые вампиры! – подражая интонации актеров, произнес Виктор. – Я чувствую, как они крадутся ко мне!

Лера закрыла глаза и вцепилась в его ладонь покрепче. Мальчишки! Все они мальчишки, до седых волос! Ну зачем так пугать?

– Ай! – очень натурально воскликнул Виктор. И сказал: – Кто-то… кто-то кусает меня в шею…

– Дурак! – бросила Лера, не разжимая век.

– Лерка, кто-то пьет мою кровь… – грустно и обреченно произнес Виктор. – А мне даже не страшно… как во сне…

Дул холодный ветер из вентиляторов, хлюпала вода за бортом, завывали дикие голоса. Даже запахло чем-то похожим на кровь. Виктор безвольно расслабил руку. Лера со злости больно ущипнула его за ладонь, но Виктор даже не вздрогнул.

– Мне же страшно, дубина! – почти в голос воскликнула Лера.

Виктор ничего не ответил, но мягко привалился к ней. Стало не так страшно.

– Я тебе сама горло перегрызу! – пригрозила Лера. Похоже, Виктор смутился. Молчал. Неожиданно для себя Лера добавила: – И всю кровь выпью. Ясно? Сразу… после свадьбы.

Она в первый раз произнесла это слово применительно к их отношениям. И замерла, ожидая реакции Виктора. Ну не может холостой мужик не отреагировать на слово «свадьба»! Либо испугается, либо обрадуется.

Виктор, казалось, дремал на ее плече.

– Напугала? – спросила Лера. Нервно рассмеялась. Открыла глаза. Но вокруг все еще было темно, хотя завывания уже затихали. – Ладно… не буду кусать. И свадьба нам не нужна!

Виктор молчал.

Заскрипел механизм, железная лодка проплыла еще метров пять по узкой бетонной канавке. Зажегся неяркий свет. Галдящая детвора повалила на берег. Девочка лет трех-четырех, одной рукой держась за маму, а палец другой засунув в рот, все поворачивала голову, не отрывая взгляда от Леры. Что ее так заинтересовало? Девушка, говорящая на незнакомом языке? Нет, быть того не может, они же в Европе…

Лера вздохнула и посмотрела на Виктора.

А он и впрямь спал! Глаза были закрыты, на губах застыла улыбка.

– Ты что? – Лера легонько пихнула Виктора – и он стал мягко заваливаться, головой прямо на железный борт. Завизжав, Лера успела схватить Виктора (что происходит, да что ж это делается, почему он такой вялый, безвольный?) и уложить на деревянную скамью. На крик мгновенно появился еще один служитель – черный плащ, резиновые клыки, размалеванные черным и красным щеки. Ловко спрыгнул в лодку.

– Что-то случилось с вашим другом, мисс? – Парень был совсем молодой, наверное, ровесник Леры.

– Да… нет… я не знаю! – Она заглянула служителю в глаза, но тот и сам был растерян. – Помогите же мне! Его надо вынести из лодки!

– Возможно, сердце? – Парень наклонился, попытался взять Виктора за плечи – и отдернул руки, будто схватился за горячее. – Что это? Что за глупые шутки? Свет! Нужен свет!

Он все тряс и тряс ладонями, с которых слетали тягучие темные капли. А Лера, оцепенев, смотрела на неподвижное тело Виктора. Загорелся свет – яркий, белый, выжигающий тени, превращающий страшненький аттракцион в декорации убогого фарса.

Впрочем, фарс закончился вместе с аттракционом. На шее Виктора зияли две открытые раны с вывороченными краями. Из ран слабо, будто последние капли кетчупа из перевернутой бутылки, сочилась кровь. Редкие, толчками выкатывающиеся капли казались еще страшнее из-за глубины ран. Прямо над артерией… будто двумя бритвами… или двумя острыми зубами…

И тогда Лера начала кричать. Тонко и страшно, закрывая глаза, взмахивая руками в воздухе перед собой, будто маленькая девочка, на глазах которой самосвал размазал по асфальту любимого котенка.

В конце концов, в каждой женщине, даже самой взрослой, живет маленькая испуганная девочка.

Глава 1

– Как я смог это сделать? – спросил Гесер. – И почему этого не смог сделать ты?

Мы стояли посреди бескрайней серой равнины. Взгляд не фиксировал ярких красок в целой картине, но стоило всмотреться в отдельную песчинку, и та вспыхивала: золотом, багрянцем, лазурью, зеленью. Над головой застыло белое с розовым, будто молочную реку перемешали с кисельными берегами да и выплеснули в небеса.

А еще дул ветер, и было холодно. Мне всегда холодно на четвертом слое сумрака, но это индивидуальная реакция. Гесеру, напротив, было жарко: лицо раскраснелось, по лбу стекали капельки пота.

– Мне не хватает Силы, – сказал я.

Лицо Гесера совсем побагровело.

– Ответ неправильный! Ты – Высший маг. Так получилось случайно, но ты – Высший. Почему Высших магов также называют магами вне категорий?

– Потому что разница в Силе между ними настолько незначительна, что не может быть исчислена, и невозможно определить, кто сильнее, а кто слабее… – пробормотал я. – Борис Игнатьевич, я понимаю. Но мне не хватает Силы. Я не могу пройти на пятый слой.

Гесер посмотрел себе под ноги. Поддел носком ботинка песок, подбросил в воздух. Шагнул вперед – и исчез.

Это что, совет?

Я подбросил перед собой песок. Шагнул вперед, тщетно пытаясь поймать свою тень.

Тени не было.

Ничего не изменилось.

Я по-прежнему оставался на четвертом слое. И становилось все холоднее – пар от моего дыхания уже не рассеивался белым облачком, а колючими иглами осыпался на песок. Развернувшись – это всегда проще психологически, искать выход позади, – я сделал шаг и вышел на третий уровень сумрака. В бесцветный лабиринт изъеденных временем каменных плит, над которыми серело низкое застывшее небо. Кое-где по камню стелились высохшие стебли, похожие на прибитый морозом вьюнок-переросток.

Еще шаг. Второй слой сумрака. Каменный лабиринт накрыли переплетенные ветви…

И еще. Первый слой. Уже не камень. Уже стены и окна. Знакомые стены московского офиса Ночного Дозора – в его сумеречном обличье.

Последним усилием я вывалился из сумрака в реальный мир. Прямо в кабинет Гесера.

Разумеется, шеф уже сидел в кресле. А я пошатываясь стоял перед ним.

Ну как, как он мог меня опередить? Ведь он пошел на пятый слой, а я начал выходить из сумрака!

– Когда я увидел, что у тебя ничего не получается, – сказал Гесер, даже не глядя на меня, – то вышел из сумрака напрямую.

– Из пятого слоя – в настоящий мир? – Я не смог скрыть удивления.

– Да. Что тебя удивляет?

Я пожал плечами. Ничего не удивляет. Если Гесер захочет преподнести мне сюрприз – у него будет огромный выбор. Я очень многого не знаю. И это…

– Обидно, – сказал Гесер. – Сядь, Городецкий.

Я сел напротив Гесера. Сложил руки на коленях, даже голову опустил, будто в чем-то чувствовал свою вину.

– Антон, хороший маг всегда достигает своего могущества в нужное время, – сказал шеф. – Пока не станешь мудрее – не станешь сильнее. Пока не станешь сильнее – не овладеешь высшей магией. Пока не овладеешь высшей магией – не влезешь в опасные места. У тебя ситуация уникальная. Ты попал под… – он поморщился, – заклятие «Фуаран». Ты стал Высшим магом, не будучи к этому готовым. Да, у тебя есть Сила. Да, ты умеешь ею управлять… и то, что ты с трудом делал раньше, теперь не составляет проблем. Сколько ты пробыл на четвертом слое сумрака? И сидишь как ни в чем не бывало! Но вот то, чего ты не умел раньше…

Он замолчал.

– Я научусь, Борис Игнатьевич, – сказал я. – В конце концов, все признают, что я делаю значительные успехи. Ольга, Светлана…

– Делаешь, – легко признал Гесер. – Ты же не совсем идиот, чтобы не развиваться. Но сейчас ты напоминаешь мне неопытного водителя, который полгода покатался на «жигулях» – и вдруг сел за руль гоночного «феррари»! Нет, хуже, за руль карьерного самосвала, БелАЗа весом в двести тонн, что ползет себе по спирали, выезжает из карьера… а рядом пропасть в сотню метров! А там, внизу, едут другие самосвалы. Одно твое неверное движение, резкий поворот руля или дрогнувшая на педали нога – плохо будет всем.

– Понимаю. – Я кивнул. – Но я в Высшие не рвался, Борис Игнатьевич. Это вы меня отправили в погоню за Костей…

– Я тебя ни в чем не упрекаю и пытаюсь многому научить, – сказал Гесер. И довольно непоследовательно добавил: – Хоть ты однажды и отказался быть моим учеником!

Я промолчал.

– Даже не знаю, что и делать… – Гесер тарабанил пальцами по лежащей перед ним папке. – Гнать тебя на повседневные задания? «Школьница видела бомжа-оборотня», «В Бутово объявился вампир», «Колдунья по-настоящему колдует», «В моем подвале раздается таинственный стук»? Бессмысленно. С такой ерундой ты справишься за счет своей Силы. Учиться ничему не придется. Оставить тебя киснуть на кабинетной работе? Ты же сам этого не хочешь. И?..

– Вы же сами знаете, Борис Игнатьевич, – ответил я. – Дайте мне настоящее задание. Такое, чтобы я вынужден был развиваться.

В глазах Гесера мелькнула искорка иронии.

– Ага, сейчас. Организую нападение на спецхран Инквизиции. Или отправлю тебя штурмовать офис Дневного Дозора…

Он толкнул папку через стол:

– Читай.

Сам Гесер открыл точно такую же папку и погрузился в изучение исписанных от руки листочков из школьной тетради.

И откуда у нас в офисе эти старые картонные папки с растрепанными тесемками-завязочками? Были закуплены в прошлом веке в количестве нескольких тонн? Приобретены недавно у общества инвалидов-надомников с гуманитарными целями? Выпускаются на древнем комбинате в городе Мухосранске, принадлежащем мухосранскому Ночному Дозору?

Но факт остается фактом, в век компьютеров, копиров, прозрачных пластиковых «файликов» и крепких красивых папок с удобными фиксаторами наш Дозор пользуется рыхлым картоном и веревочками… Позорище, перед иностранными коллегами стыдно!

– На папки из материалов органического происхождения легко накладываются защитные заклинания, препятствующие дистанционному зондированию, – сказал Гесер. – По той же самой причине для обучения магии используются только книги. Текст, набранный на компьютере, магию в себе не сохраняет.

Я посмотрел в глаза Гесеру.

– Даже не собирался читать твои мысли, – сказал шеф. – Пока не научишься контролировать лицо – в этом нет необходимости.

Теперь и я почувствовал магию, пронизывающую папку. Легкое защитно-сторожевое заклинание, для Светлых не представляющее никаких проблем. Впрочем, и Темные его снимут без труда, но нашумят.

Открыв папку – Великий Гесер завязывал тесемки на бантик, – я обнаружил четыре свеженькие, еще пахнущие типографской краской газетные вырезки, факс и три фотографии. Три вырезки были на английском, на них я и сосредоточился в первую очередь.

Первая вырезка представляла собой короткую заметку о происшествии на аттракционе «Подземелья Шотландии». Как я понял, в этом заведении, довольно-таки банальном варианте комнаты страха, «из-за технических неполадок» погиб русский турист. «Подземелья» были закрыты, полиция проводит расследование и выясняет, нет ли в трагедии вины персонала…

Вторая заметка была куда подробнее. Про «технические неполадки» уже не было ни слова. Текст был немножко суховатым, даже педантичным. С нарастающим волнением я прочитал, что погибший, двадцатипятилетний Виктор Прохоров, учился в Эдинбургском университете, был сыном «русского политика», в «Подземелья» отправился вместе с невестой, прилетевшей из России Валерией Хомко, на руках которой и скончался от потери крови. В темноте аттракциона кто-то перерезал ему горло. Или что-то перерезало. Бедолага сидел вместе с невестой в лодочке, которая медленно плыла по «Кровавой реке», мелкой канавке вокруг «Замка вампиров». Возможно, из стены торчала какая-то острая железка, которая и полоснула Виктору по шее?

Дочитав до этого места, я вздохнул и посмотрел на Гесера.

– У тебя всегда замечательно получалось… э-э-э… с вампирами, – сказал шеф, на секунду оторвавшись от своих бумаг.

Третья заметка была из какой-то «желтой» шотландской газетенки. И вот тут, конечно же, автор рассказал страшную историю про современных вампиров, которые во мраке аттракционов сосут кровь своих жертв. Единственной оригинальной деталью было утверждение журналиста, что обычно вампиры высасывают своих жертв не насмерть. Но русский студент, как положено русскому, был настолько пьян, что бедный шотландский вампир тоже захмелел и увлекся.

Несмотря на всю трагичность истории, я засмеялся.

– «Желтая» пресса – она во всем мире одинакова, – сказал Гесер, не поднимая глаз.

– Самое ужасное, что так все и было, – сказал я. – Кроме пьянства, конечно.

– Кружка пива за обедом, – согласился Гесер.

Четвертая вырезка была из какой-то нашей газеты. Некролог. Соболезнования Леониду Прохорову, депутату Государственной думы, чей сын трагически погиб…

Я взял листок факса.

Это, как я и предполагал, было донесение от Ночного Дозора города Эдинбурга, Шотландия, Великобритания.

Немножко необычным оказался лишь адресат – сам Гесер, а не оперативный дежурный или руководитель международного отдела. И тон письма – чуть более личный, чем полагается в официальных документах.

А содержание меня не удивило.

«С прискорбием сообщаем… по результатам тщательно проведенного дознания… полная потеря крови… признаков инициации не выявлено… проведенные поиски результатов не дали… привлечены лучшие силы… если московское отделение считает необходимым направить… передавай самые теплые приветы Ольге, очень рад за тебя, старый ко…»

Второй листок факса отсутствовал. Видимо, там был исключительно личный текст. Поэтому и подписи я не увидел.

– Фома Лермонт, – сказал Гесер. – Глава шотландского Дозора. Старый друг.

– Ага… – задумчиво протянул я. – Значит…

Наши взгляды опять встретились.

– Нет уж, родственник ли он Михаилу Юрьевичу – сам спросишь, – сказал Гесер.

– Я о другом. «Ко» – это «командир»?

– «Ко» – это… – Гесер запнулся и с явным недовольством покосился на листок. – «Ко» – это «ко». Это тебя уже не касается.

Я посмотрел на фотографии. Молодой человек – это и был бедолага Виктор. Девушка – совсем юная. Его невеста, что тут гадать. И мужик постарше. Отец Виктора?

– Косвенные данные говорят о нападении вампира. Но почему ситуация требует нашего вмешательства? – спросил я. – Наши соотечественники частенько гибнут за рубежом. И от вампиров – тоже. Вы не доверяете Фоме и его подчиненным?

– Доверяю. Но у них мало опыта. Шотландия – мирная, уютная, спокойная страна. Они могут не справиться. А ты частенько имел дело с вампирами.

– Конечно. И все-таки? Дело в том, что его отец – политик?

Гесер поморщился:

– Да какой он политик? Бизнесмен, пробрался в депутаты, на голосованиях жмет кнопки потихоньку.

– Коротко и ясно. Но не верю, что нет особой причины.

Гесер вздохнул:

– Отец юноши двадцать лет назад был определен как потенциальный Светлый Иной. Довольно сильный. От инициации отказался, объявив, что хочет остаться человеком. Темных сразу же послал прочь. Но с нами поддерживал некоторые контакты. Иногда помогал.

Я кивнул. Да, случай редкий. Нечасто люди отказываются от таких возможностей, что открываются перед Иными.

– Можно сказать, что я чувствую себя виноватым перед Прохоровым-старшим, – сказал Гесер. – И если уж не могу помочь сыну… то не позволю его убийце уйти безнаказанным. Ты поедешь в Эдинбург, найдешь этого сумасшедшего кровососа и развеешь по ветру.

Это был приказ. Но я и без того не собирался спорить.

– Ко… – я невольно запнулся, – когда лететь?

– Зайди в международный отдел. Тебе должны были подготовить документы, билеты, деньги. И легенду.

– Кому легенду? Мне?

– Да. Будешь работать неофициально.

– Контакты?

Гесер почему-то нахмурился и глянул на меня с непонятным подозрением:

– Только с Фомой… Антон, хватит издеваться!

Я непонимающе смотрел на Гесера.

– «Ко» – это начало слова «кобель», – буркнул Гесер. – Молодость, знаешь ли… вольные нравы эпохи Ренессанса… Все, иди! И постарайся вылететь ближайшим рейсом. – Он мгновение помедлил, но все-таки добавил: – Если Светлана не будет против. А если будет, то скажи, я постараюсь ее убедить.

– Она будет против, – уверенно сказал я.

И все-таки на что обиделся Гесер? И почему разъяснил мне про «кобеля»?

Светлана поставила передо мной тарелку, полную жареной картошки с грибами. Следом на столе оказались вилка и нож, солонка, соленые огурцы на блюдце, рюмка и маленький, на сто граммов, графинчик с водкой. Графинчик был только что из холодильника и в тепле мгновенно запотел.

Идиллия!

Мечта мужчины, пришедшего с работы. Жена хлопочет у плиты и подает на стол вкусные и вредные вещи. Хочет о чем-то меня попросить? Дочка тихо играет с конструктором – в пять лет она перестала интересоваться куклами. Строит, впрочем, не машинки и самолетики, а маленькие домики, может, архитектором станет?

– Света, меня командируют в Эдинбург, – на всякий случай повторил я.

– Да, я слышала, – спокойно ответила Светлана.

Графинчик на столе приподнялся. Притертая пробка выкрутилась из горлышка. Холодная водка тягучей прозрачной струйкой потекла в рюмку.

– Мне сегодня ночью лететь, – сказал я. – До Эдинбурга рейса нет, так что лечу в Лондон, там пересадка…

– Тогда много не пей, – забеспокоилась Светлана.

Графинчик описал вираж и унесся в сторону холодильника.

– Я думал, ты расстроишься, – обиженно сказал я.

– А смысл? – Светлана наложила и себе полную тарелку. Села рядом. – Ты не полетишь?

– Полечу…

– В том-то и дело. Только еще примется звонить Гесер и объяснять, как важна твоя командировка. – Светлана поморщилась.

– Она и впрямь важна.

– Знаю. – Светлана кивнула. – Я утром почувствовала, что тебя отправят куда-то далеко. Позвонила Ольге, спросила, что случилось за последние дни. Ну… она рассказала про того паренька в Шотландии.

Я с облегчением кивнул. Светлана в курсе – прекрасно. Не надо лжи и недомолвок.

– Странная какая-то история, – сказала Светлана.

Пожав плечами, я выпил выделенные мне сорок граммов. С удовольствием захрустел соленым огурчиком, пробормотал с набитым ртом:

– Что тут странного? Либо дикий вампир, либо спятил с недожора… у них это обычное дело. Ну и чувство юмора, видимо, специфическое. Убить человека в аттракционе «Замок вампиров»!

– Тише. – Светлана поморщилась, взглядом указав на Надюшку.

Я принялся энергично жевать. Люблю жареную картошку – с хрустящей корочкой, да чтобы еще жарить на гусином жире, со шкварками и с пригоршней белых грибов, если сезон – то свежих, не сезон – так сушеных. Все в порядке, все хорошо, папа с мамой говорят про всякие глупости, про кино, про книжки, на самом деле вампиров нет…

К сожалению, нашу дочку не обманешь, будто вампиров не существует. Она их прекрасно видит. Еле-еле отучили громко высказываться в метро или троллейбусе: «Ма, па, глядите, а вон дядька-вампир!» Пассажиры-то ладно, спишут все на детские глупости, а перед вампирами как-то неудобно. Некоторые и на людей никогда не нападали, честно пьют донорскую кровь и ведут вполне благопристойную жизнь. А тут посреди толпы пятилетняя малявка тычет в тебя пальчиком и хохочет: «Дядька неживой, а ходит!» Никуда не денешься, все равно она слышит, о чем мы говорим, и делает свои выводы.

Но на этот раз Надя нашими разговорами не заинтересовалась. Возводила над домиком из желтых пластиковых кирпичиков красную «черепичную» крышу.

– Мне кажется, тут дело не в чьем-то чувстве юмора, – сказала Светлана. – Не стал бы тебя Гесер гонять через всю Европу. В Шотландии тоже не дураки в Дозоре сидят, рано или поздно найдут кровососа.

– Тогда что? Про парня я все выяснил. Хороший мальчик, но не святой. И явно не Иной. Убивать его нарочно Темным нет никакой необходимости. Отец паренька когда-то отказался стать Иным, но неофициально сотрудничал с Ночным Дозором. Случай редкий, но не уникальный. Я все проверил, Темным ему мстить не за что.

Светлана вздохнула. Покосилась на холодильник – и графинчик примчался обратно.

И я вдруг понял – она чем-то встревожена.

– Света, ты смотрела в будущее?

– Смотрела.

Увидеть будущее в том смысле, какой вкладывают в это предсказатели-шарлатаны, невозможно. Будь ты даже Великим Иным. Но можно просчитать вероятность того или иного собы-

тия: попадешь ты в пробку на этой дороге или нет, не разобьется ли в воздухе самолет, удастся ли завершить какое-то дело, погибнешь ты или уцелеешь в грядущей заварухе… Если совсем уж просто, то чем точнее задан вопрос, тем точнее будет ответ. Спросить «что меня ждет завтра?» нельзя.

– Ну и что?

– Твоей жизни в этом расследовании ничего не угрожает.

– Здорово, – искренне сказал я. Взял графинчик, налил еще по рюмке себе и Светлане. – Спасибо. Ты меня успокоила.

Мы выпили – и мрачно посмотрели друг на друга.

Потом на Надюшку – дочка сидела на полу и возилась с конструктором. Почувствовав наш взгляд, она тихонько замурлыкала: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля».

Такими песенками взрослые обычно изображают девочек в анекдотах. Очень вредных девочек. Которые собираются что-нибудь взорвать, сломать или сказать гадость.

– Надежда! – ледяным голосом произнесла Светлана.

– Ля-ля-ля… – чуть громче произнесла Надя. – А чего я? Ты сама сказала, что папе пить не надо перед полетом. Водку пить вредно, ты сама говорила! У Маши папа пил, пил и ушел из дома…

В ее голосе послышалась тоненькая плаксивая нотка.

– Надежда Антоновна! – совсем уж сурово сказала Светлана. – Взрослые люди имеют право… иногда… выпить рюмку водки. Ты когда-нибудь видела папу пьяным?

– У дяди Толи на дне рождения, – мгновенно ответила Надя.

Светлана очень красноречиво посмотрела на меня. Я виновато развел руками.

– Все равно, – сказала Светлана. – Ты не вправе применять волшебство к маме и папе. Я никогда себе такого не позволяла!

– А папа?

– Папа тоже. И повернись немедленно! Я с твоей спиной разговариваю?

Надя повернулась. Упрямо поджала губки. Задумалась, прижав палец ко лбу. Я едва сдержал улыбку. Маленькие дети обожают копировать такие жесты. И их ничуть не смущает, что, уперев палец в лоб, размышляют только герои мультиков, а не живые люди.

– Ладно, – сказала Надя. – Извините меня, пожалуйста, мама и папа. Я больше не буду. Я все исправлю!

– Не надо исправлять! – воскликнула Светлана.

Но было уже поздно. Вода, которая оказалась в рюмках вместо водки, внезапно превратилась обратно в водку. А может быть, и в спирт.

Прямо у нас в желудках.

Я почувствовал, как в животе будто маленькая бомба взорвалась. Крякнул и стал наворачивать почти остывшую картошку.

– Антон, скажи ты хоть что-нибудь! – воскликнула Светлана.

– Надя, если бы ты была мальчиком, то получила бы сейчас ремешком по попе! – сказал я.

– Как мне повезло, что я девочка, – ничуть не испугавшись, ответила Надюшка. – Па, а что не так? Вы же хотели водки выпить. Вот вы ее выпили. Она уже у вас внутри. Ты же сам говорил, что водка невкусная, так зачем ее пить ртом?

Мы со Светланой переглянулись.

– Нечем крыть, – резюмировала Светлана. – Пошла я чемодан тебе собирать. Такси вызвать?

Я покачал головой:

– Не надо. Семен подвезет.

Даже поздним вечером кольцевая дорога была забита. Впрочем, Семен этого словно бы и не замечал. И я даже не знал, просчитывал он линии вероятности либо просто вел машину на своих инстинктах водителя со столетним стажем.

– Зазнался ты, Антон, – бурчал он, не отрывая взгляд от дороги. – Нет бы сказать Гесеру – никуда один не полечу, напарник мне нужен, командируй со мной Семена…

– Ну откуда мне было знать, что ты так Шотландию любишь?

– Как откуда? – возмутился Семен. – Я же тебе рассказывал, как мы в войну в Севастополе-то с шотландцами схватились!

– А не с немцами? – неуверенно поправил я.

– Нет, с немцами это потом, – отмахнулся Семен. – Эх, были люди в наше время… пули над головой свищут, ядра летят, у Шестого бастиона рукопашная… а мы как дураки магией друг друга лупим. Два Светлых Иных, только он с английской армией пришел… Как он мне в плечо-то, Копьем Страдания… А я его Фризом – да и заморозил от пяток до шеи!

Он довольно крякнул.

– И кто победил? – спросил я.

– Ты историю не помнишь, что ли? – возмутился Семен. – Мы, конечно. А Кевина я пленил. Потом к нему в гости ездил. Ну, уже в двадцатом веке… в одна тысяча девятьсот седьмом… или восьмом?

Он рванул руль, обгоняя спортивный «ягуар», и крикнул в открытое окно:

– Сам тормоз и обалдуй! Еще ругаться будет…

– Ему перед девушкой неудобно, – пояснил я, глядя на исчезающий позади «ягуар». – На какой-то старой «Волге» – и так подрезали.

– Перед девушкой не в машине надо похваляться, – мудро изрек Семен, – а в постели. Там последствия ошибки более обидны, но менее трагичны… Эх. Ты это… если туго будет, то звони Гесеру, проси меня на помощь прислать. Завязки как-никак. К Кевину зайдем, посидим, виски выпьем. Из его винокурни, между прочим!

– Хорошо, – пообещал я. – Чуть прижмет – сразу попрошу тебя приехать.

За кольцевой стало спокойнее. Семен поднажал (никогда не поверю, что под капотом разъездной «Волги» стоит штатный движок ЗМЗ-406), и через пятнадцать минут мы подъезжали к Домодедово.

– Эх, какой сон замечательный мне сегодня снился! – выруливая на стоянку, произнес Семен. – Еду я по Москве, почему-то на раздолбанном фургоне, рядом еще кто-то из наших… И вдруг вижу – на дороге стоит Завулон. Почему-то одет как бомж. Я газую и пытаюсь его задавить! А он – хренась! И барьер ставит! Нас подкидывает в воздух, делаем сальто и перескакиваем через Завулона. Едем дальше.

– Что ж ты не развернулся? – съязвил я.

– Спешили мы куда-то, – вздохнул Семен.

– Пить надо меньше, чтобы такие сны не беспокоили.

– А они меня вовсе не беспокоят, – обиделся Семен. – Наоборот, понравилось. Словно сцена из какой-то параллельной реальности… дьявол!

Он резко затормозил.

– Скорее его полномочный представитель… – сказал я, глядя на шефа Дневного Дозора. Завулон стоял на парковке, именно там, куда собирался вырулить Семен. И приглашающе махал нам рукой. Я сказал: – Может, сон в руку? Попробуешь?

Но Семен не был расположен к экспериментам. Очень плавно подал вперед, Завулон посторонился, дождался, пока мы встали между грязным «жигуленком» и старым «ниссаном», после чего открыл дверь и уселся на заднее сиденье.

Тому, что блокировка двери не сработала, удивляться не приходилось.

– Вечер, дозорные, – негромко сказал Высший Темный.

Мы с Семеном переглянулись. И снова посмотрели на заднее сиденье.

– Скорее уж ночь, – сказал я. Как бы там ни было, пусть Семен и в тысячу раз опытнее, но переговоры придется вести мне. Как старшему по Силе.

– Ночь, – согласился Завулон. – Ваше время. В Эдинбург?

– В Лондон.

– А потом в Эдинбург. Расследовать дело Виктора Прохорова.

Врать не имело смысла. Врать вообще невыгодно.

– Да, разумеется, – сказал я. – Вы против, Темный?

– Я – за, – ответил Завулон. – Я почти всегда «за», как ни странно.

Он был в костюме, при галстуке – только узел распущен и верхняя пуговица на рубашке расстегнута. Сразу видно: человек то ли в бизнесе, то ли на госслужбе… Впрочем, ошибка тут началась бы уже со слова «человек».

– Тогда что вам нужно? – осведомился я.

– Хочу пожелать вам счастливого пути, – невозмутимо сказал Завулон. – И удачи в расследовании убийства.

– Вам-то это зачем? – спросил я после неловкой паузы.

– Леонид Прохоров, отец усопшего, двадцать лет назад был определен как Иной. Сильный Темный Иной. К сожалению, – вздохнул Завулон, – он не захотел проходить инициацию. Остался человеком. Но с нами продолжал поддерживать хорошие отношения, иногда по мелочам помогал. Это не дело, когда сына твоего приятеля убивает какой-то мелкий взбесившийся кровосос. Найди его, Антон, и поджарь на медленном огне.

Семен при моем разговоре с Гесером не присутствовал. Но что-то о Леониде Прохорове знал – судя по тому, как в замешательстве почесывал плохо выбритый подбородок.

– Я и так собираюсь это сделать, – осторожно сказал я. – Вам не о чем беспокоиться, Великий Темный.

– А вдруг понадобится помощь? – как ни в чем не бывало предположил Завулон. – Ты же не знаешь, с кем столкнешься. Возьми…

В руке Завулона появился амулет – резная фигурка из кости, изображающая оскалившегося волка. От фигурки ощутимо тянуло Силой.

– Это связь, помощь, совет. Все вместе. – Завулон перегнулся через сиденье, жарко дохнул мне в левое ухо: – Бери… дозорный. Спасибо скажешь.

– Не скажу.

– Все равно бери.

Я покачал головой.

Завулон вздохнул:

– Ну хорошо, хорошо, пусть будут эти глупые театральные эффекты… Я, Завулон, клянусь Тьмой, что вручаю свой амулет Антону Городецкому, Светлому магу, не питая никаких злых умыслов, не намереваясь причинить вред его здоровью, душе и сознанию, не требуя ничего взамен. Если Антон Городецкий примет мою помощь, это не накладывает никаких обязательств на него, силы Света и Ночной Дозор. В благодарность за принятие помощи я разрешаю Ночному Дозору Москвы трижды применять светлое магическое вмешательство до третьего уровня Силы включительно, никакой ответной благодарности не требую и требовать не стану. Тьма будь моим свидетелем!

Рядом с фигуркой волка закружился темный шарик, миниатюрная черная дыра, прямое подтверждение клятвы Изначальной Силой.

– Я бы все-таки не стал… – предостерегающе начал Семен.

И в этот миг в моем кармане звякнул и сам собой включился на громкую связь мобильный телефон. Я никогда не использовал все его многочисленные функции: громкую связь,

органайзер, игры, фотоаппарат, калькулятор, радио. Пользовался только встроенным в телефон плеером. Но вот – пригодилась и конференц-связь…

– Возьми, – сказал Гесер. – В этом он не врет. А в чем врет – мы выясним.

Связь прервалась.

Завулон усмехнулся, продолжая протягивать мне фигурку. Я молча сгреб ее с ладони Темного мага и сунул в карман. Мне клясться было не в чем.

– Итак, желаю удачи, – продолжил Завулон. – Да! Если не затруднит – привези мне из Эдинбурга в подарок какой-нибудь магнитик на холодильник.

– Зачем? – спросил я.

– Я их собираю, – улыбнулся Завулон.

И исчез – рухнул сквозь сумрак на какие-то глубинные слои. Преследовать его, конечно же, мы не стали.

– Позер, – сказал я.

– На холодильник, – пробормотал Семен. – Да уж, представляю, что у него хранится в холодильнике… Магнитик… стрихнина баночку ему привези! Намешай в их шотландский хаггис и привези.

– «Хаггис» – это подгузники такие, – сказал я. – Хорошие, мы их дочке брали.

– Хаггис – это еще и еда. – Семен покачал головой. – Хотя… если по вкусу… наверное, похоже.

Глава 2

В наши дни трудно наслаждаться удовольствием от авиаперелета. Аварии износившихся «Боингов-737» и Ту-154, задумчивые швейцарские диспетчеры и меткие украинские ракетчики, арабские террористы всех мастей – не слишком все это располагает к спокойному времяпрепровождению в комфортабельном кресле. И пусть коньяк из магазина дьюти-фри дешев, стюардесса заботлива, а питание и вино вполне достойны – человеку трудно расслабиться.

К счастью, я не человек. Линии вероятности смотрели Гесер и Светлана. Да и я сам способен прощупать будущее на несколько часов вперед. Долетим, прекрасно долетим, мягко сядем в Хитроу, и пересесть на ближайший самолет до Эдинбурга я успею…

Так что я мог спокойно сидеть в своем кресле бизнес-класса (полагаю, не от неожиданной щедрости шефа, а просто иных билетов не достали), попивать приличное чилийское винцо и сочувственно поглядывать на молодящуюся женщину через проход. Женщине было очень страшно. Периодически она крестилась и беззвучно шептала молитвы.

В конце концов я не выдержал, потянулся к ней через сумрак и слегка погладил по голове. Не руками – сознанием. Коснулся многократно перекрашенных волос той лаской, что свойственна у людей лишь матерям и мгновенно уносит любые тревоги.

Женщина расслабилась и через минуту крепко уснула.

Мужчина средних лет рядом со мной был куда спокойней, да к тому же изрядно навеселе. Он деловито откупорил парочку бутылочек джина, принесенных стюардессой, смешал их с тоником в жестокой пропорции один к одному и выпил – после чего задремал. Выглядел он типичным представителем богемы – в джинсах, хлопковом свитере, с короткой бородкой. Писатель? Музыкант? Режиссер? Кого только не манит город Лондон – от бизнесменов и политиков до богемы и богатых прожигателей жизни…

Можно было и мне расслабиться, посмотреть в иллюминатор на темные просторы Польши и хорошенько подумать.

До появления Завулона все выглядело довольно просто. Мальчик Витя попался голодному или глупому (или и то и другое сразу) вампиру. Погиб. Вампир, утолив голод, сообразил, что именно он натворил, – и затаился. Рано или поздно, действуя старыми проверенными поли-

цейскими методами, Ночной Дозор Эдинбурга проверит всех городских и заезжих кровососов, выяснит наличие или отсутствие алиби, установит наблюдение – и схватит убийцу. Гесер, испытывая какой-то свой комплекс вины перед отцом Виктора, отказавшимся стать Светлым Иным, но помогавшим Ночному Дозору, решил ускорить это благое дело. А заодно и мне дать возможность заработать опыт.

Логично?

Абсолютно. Никаких странностей.

Потом появляется Завулон.

И наш благородный Леонид Прохоров, неслучившийся Светлый Иной, предстает с другой стороны! Он, оказывается, еще и неслучившийся Темный! Помогал Дневному Дозору, так что и Завулон горит желанием покарать убийцу его сына!

Бывает такое?

Значит, бывает. Значит, человек решил играть на два фронта сразу. Для нас, Иных, невозможно служить сразу Свету и Тьме. Людям проще. Они в большинстве своем именно так и живут.

Тогда… тогда убийство Виктора может быть не случайным. Завулон мог узнать, что Прохоров помогает нашим, – и отомстить, убив его сына. Убив чужими руками, конечно же.

Или наоборот. Как ни печально, но и Гесер мог отдать приказ о ликвидации Виктора. Не в качестве мести, нет, конечно же! Но Великий всегда найдет морально приемлемую форму для оправдания своего желания.

Стоп, но зачем Гесеру посылать меня в Эдинбург? Если он виноват – то должен понимать, что я не стану скрывать его вину!

А если виновен Завулон, то ему еще меньше смысла помогать мне. С Завулоном, несмотря на все его реверансы, я разделаюсь с огромным удовольствием!

Значит, не Великие…

Я сделал маленький глоток вина. Отставил стаканчик.

Великие тут ни при чем, но они подозревают друг друга. И оба рассчитывают на меня. Гесер знает, что я не упущу возможности насолить Завулону. Завулон понимает, что я способен пойти даже против Гесера.

Прекрасно. Лучшего расклада и желать нельзя. Великий Светлый и Великий Темный, да еще и не из последних Великих в мировой борьбе Света и Тьмы, стоят на моей стороне. Я смогу получить от них помощь. Мне поможет и Фома Лермонт, шотландец с фамилией, так приятно звучащей для русского сердца. А значит, вампиру никуда не скрыться.

И это радует. Слишком часто зло остается безнаказанным.

Я встал, осторожно протиснулся мимо своего соседа в проход. Глянул на табло. Туалет в голове самолета был занят. Конечно, проще всего подождать, но мне хотелось размять ноги. Отодвинув занавеску, отделяющую бизнес-класс от экономического, я двинулся в хвост.

Как говорится в известной иронической присказке, «пассажиры экономического класса прилетают одновременно с пассажирами первого, только гораздо дешевле». Ну, допустим, первого класса на нашем рейсе не имелось, но и бизнес-класс был неплох – хорошие широкие кресла, большие расстояния между рядами. Опять же – стюардессы внимательнее, питание вкуснее, выпивка обильнее.

Впрочем, и пассажиры эконом-класса не унывали. Кто-то спал или дремал, многие читали газеты, книжки, путеводители. Несколько человек работали за ноутбуками, другие играли. Один, очевидно большой оригинал, пилотировал самолет. Как я понял, это был довольно реалистичный флайт-симулятор, а игрок вел из Москвы в Лондон как раз наш «Боинг-767». Возможно, таким любопытным образом он боролся с аэрофобией?

Ну и конечно же, многие пассажиры выпивали. Сколько ни говори, что спиртное в полете особенно вредно, но всегда найдутся любители скрасить свой путь над облаками.

Я прошел в хвост. Здесь туалеты тоже были заняты, и мне пришлось несколько минут постоять, разглядывая затылки пассажиров. Пышные прически, девичьи хвостики, короткие ежики, блестящие лысины, забавные детские ирокезы. Сотня голов, обдумывающих свои лондонские дела…

Дверца туалета открылась, из кабинки выскользнул молодой парень, протиснулся мимо меня. Я шагнул к туалету.

Остановился.

Обернулся.

Парню было лет двадцать. Широкоплечий, чуть повыше меня ростом. Некоторые юноши начинают резко расти и раздаваться в плечах после восемнадцати. Раньше это списывали на благотворное влияние армии, которая «из мальчика мужчину сделала». На самом деле – просто гормоны, которые в этом организме сыграли именно таким образом.

Банальная физиология.

– Егор? – вопросительно произнес я.

И торопливо посмотрел сквозь сумрак.

Ну да, конечно. Он мог бы надеть железную маску, все равно я бы его узнал. Егор, манок Завулона, перехваченный и ловко использованный Гесером. Когда-то он был уникальным мальчиком с неопределенной аурой[1].

Теперь он вырос и стал молодым мужчиной. С той же самой неопределенной аурой. Прозрачное сияние, обычно бесцветное, но временами окрашивающееся и красным, и синим, и зеленым, и желтым. Словно песок четвертого слоя сумрака… вглядись пристальнее – и ты увидишь все краски мира. Потенциальный Иной, даже во взрослом возрасте способный стать кем угодно. И Светлым, и Темным.

Я же его шесть лет не видел!

Вот это совпадение!

– Антон? – Он был растерян не меньше, чем я.

– Ты что здесь делаешь? – спросил я.

– Лечу, – глупо ответил он.

Но я не оплошал, задал вопрос еще более идиотский:

– Куда?

– В Лондон, – сказал Егор.

И вдруг, словно осознав весь юмор нашего диалога, рассмеялся. Так легко и беззаботно, словно не было у него никаких обид на Ночной Дозор, Гесера, меня, всех Иных на свете…

Через секунду мы дружно колотили друг друга в плечи и бормотали всякую ерунду вроде «Вот это да!», «Я как-то недавно вспомнил…», «Не ожидал…». В общем, все как положено для переживших вместе что-то значительное и не слишком приятное, поссорившихся, а потом, за давностью прожитых лет, находящих в воспоминаниях большей частью интересные моменты.

Но при этом все-таки не настолько расположенных друг к другу, чтобы обняться и прослезиться от умиления встречей.

Ближайшие пассажиры на нас оглядывались, но с явной благожелательностью. Случайная встреча давних приятелей в таком неожиданном месте, как самолет, всегда вызывает расположение у зрителей.

– Ты что, специально здесь оказался? – спросил все-таки Егор с ноткой былой подозрительности.

– С дуба рухнул? – возмутился я. – У меня командировка!

– Ух ты. – Он прищурился. – Все там же работаешь?

– Конечно.

---

[1] Эта история описана в первой части книги «Ночной Дозор». *–Примеч. авт.*

На нас уже не обращали внимания. Да и мы растерянно топтались, не зная, о чем говорить дальше.

– Ты, я вижу… не прошел инициацию? – неловко спросил я.

Егор на секунду напрягся, но ответил с улыбкой:

– Да ну вас всех! Чего мне ее проходить? Сам знаешь… седьмой уровень с натяжкой. Ничего хорошего не светит. Не светит и не темнит. Так что я всех послал.

У меня тоскливо заныло в груди.

А вот таких совпадений точно не бывает.

Как и Леонид Прохоров, Егор остался человеком, не пошел в Иные.

Покарай меня Свет, таких совпадений не бывает!

– Куда летишь? – снова спросил я, вызвав у Егора новый взрыв хохота. Наверное, он пользуется репутацией души компании – смеется легко и заразительно. – Нет, я понимаю, что в Лондон. Учиться? Отдыхать?

– Летом в Лондоне отдыхать? – Егор фыркнул. – А почему тогда не в Москве? Что одни каменные джунгли, что другие, все едино… Я на фестиваль.

– На Эдинбургский? – спросил я, зная ответ.

– Да. Я же цирковое училище окончил.

– Чего? – Настала моя очередь вытаращить глаза.

– Я иллюзионист. – Егор усмехнулся.

Вот это номер!

Между прочим, замечательная маскировка для Иного. Даже для неинициированного – все равно мелкие способности, превосходящие человеческие, у него имеются. От фокусников ждут чудес. Они лицензированные человечеством маги и волшебники.

– Здорово! – искренне сказал я.

– Жалко, что ты в Лондон, – вздохнул Егор. – Я бы тебя провел на выступление.

И вот тут я сделал глупость. Сказал:

– Я не в Лондон, Егор. Я тоже в Эдинбург.

Редко увидишь, как с лица так быстро спадает радость, чтобы смениться неприязнью и даже презрением.

– Понятно. Зачем я вам снова понадобился?

– Егор, ты… – Я запнулся.

У меня хватит духу сказать, что он ни при чем?

Нет.

Потому что я и сам в это не верю.

– Понятно, – повторил Егор. Развернулся и пошел в середину салона. Мне ничего не оставалось, кроме как войти в кабинку и закрыть за собой дверь.

Пахло табаком. Несмотря на все запреты, курящие пассажиры дымят в туалетных кабинках. Я посмотрел в зеркало – мятое лицо недоспавшего человека. Пускай даже я много больше и много меньше, чем человек… Захотелось побиться лбом о зеркало, что я и сделал, шепча одними губами: «Идиот, идиот, идиот…»

Расслабился. Поверил, что предстоит банальная командировка.

Разве такое возможно, когда тебя отправил в путь лично Гесер?

Ополоснув лицо холодной водой, я постоял немного, зло глядя на свое отражение. Потом все-таки отлил, нажал ногой на педаль, пуская в стальной унитаз синенькую дезинфицирующую жидкость, вымыл руки и еще раз ополоснул лицо.

Чья эта операция? Гесера или Завулона?

Кто отправил одной дорогой со мной Егора, мальчика, не ставшего Иным? Зачем?

Чья игра, каковы правила и, самое главное, сколько фигур окажется на доске?

Я достал из кармана подарок Завулона. Кость была матово-желтой, но почему-то я знал, что резчик изобразил черного волка. Матерого черного волчару, запрокинувшего голову в тоскливом призывном вое.

Связь, помощь, совет…

Статуэтка казалась самой обычной, в сувенирных киосках таких сотни и тысячи, разве что из пластика, не из кости. Но я чувствовал магию, что пронизывала фигурку. Мне надо сжать ее в руке… и захотеть. Только и всего.

Нужна ли мне помощь Темных?

Подавив искушение отправить фигурку в унитаз, я вернул ее в карман.

Нет зрителей, чтобы оценить патетичный жест.

Порывшись в кармане, я нашел пачку сигарет. Я курю не так часто, чтобы страдать в четырехчасовом перелете, но сейчас мне хотелось отдаться простым человеческим слабостям. Это свойственно всем Иным – чем старше мы становимся, тем больше мелких дурных привычек приобретаем. Будто цепляемся за малейшие проявления своей природы – а нет якоря надежнее, чем порок.

Впрочем, обнаружив, что зажигалка осталась в кармане пиджака, я без малейших колебаний разжег между большим и указательным пальцами дугу высокотемпературного разряда – и прикурил от магического огня.

Начинающие Иные пробуют все делать с помощью магии.

Они бреются Хрустальным Клинком, пока не отхватывают себе полщеки или мочку уха. Греют обед файерболами, разбрызгивая суп по стенам и отскребая котлеты с потолка. Проверяют линии вероятности, прежде чем сесть в тихоходный троллейбус.

Им нравится сам процесс применения магии. Если бы они сумели, то подтирались бы с ее помощью.

Потом Иные взрослеют, умнеют и начинают жадничать. Они понимают, что энергия всегда остается энергией и правильнее встать с кресла и подойти к выключателю, чем тянуться до кнопки чистым потоком Силы, что электричество разогреет бифштекс куда лучше, чем магический огонь, а царапину лучше залепить пластырем, приберегая Авиценну для серьезных ранений.

А дальше, конечно, если Иной не обречен остаться на самых низких уровнях Силы, приходит настоящее умение. И ты уже не обращаешь внимания, как прикурить сигарету – газом или магией.

Я выпустил струйку дыма.

Гесер?

Завулон?

Ладно, гадать бессмысленно. Надо крепко-накрепко запомнить, что все будет куда сложнее, чем казалось вначале. И отправляться в свое кресло – скоро посадка.

Над Ла-Маншем нас, как положено, помотало в воздухе. Но сели мягко, обычный паспортный контроль прошли вмиг. Остальные пассажиры двинулись за багажом (кроме неинициированного Егора, в самолете не было ни одного Иного), а я, чуть отстав, нашел на полу свою тень. Вгляделся в серый силуэт, заставляя его обрести объем, подняться мне навстречу. Шагнул в свою тень – и вошел в сумрак.

Здесь все было почти таким же. Стены, окна, двери. Только все серое, выцветшее. Медленными тенями плыли в реальном мире обычные люди. Сами не зная почему, они старательно огибали ничем с виду не примечательный участок коридора, да еще и ускоряли шаг.

К стойке таможенного поста Иных лучше всего было подходить в сумраке, чтобы не нервировать людей. Над ней раскинуто несложное заклятие, Круг Невнимания, и люди очень стараются ее не видеть. Но меня, разговаривающего с пустотой, могут и зафиксировать.

Поэтому я прошел к стойке в сумраке, а лишь потом, уже под защитой заклятия, вышел в реальный мир.

Таможенников было двое – Светлый и Темный. Как положено.

Контроль Иных при пересечении границы – вещь, на мой взгляд, не очень-то разумная. Вампиры и оборотни обязаны регистрироваться в местном отделении Дозора, если остаются в городе на ночь. Мотивируется это тем, что низшие Темные слишком часто поддаются животной стороне своей натуры. Так-то оно так, но любой маг, что Темный, что Светлый, способен такого натворить – вампир от ужаса в гроб залезет. Ну ладно, все равно, допустим, есть такая традиция, и отменять ее нигде не хотят… несмотря на протесты со стороны вампиров и оборотней. Но какой смысл контролировать перемещения Иных из страны в страну? Это для людей имеет значение – незаконная миграция, контрабанда, наркотики… шпионы, в конце-то концов. Хотя вот уже полсотни лет шпионы не идут через контрольно-следовые полосы, привязав к ногам лосиные копыта, и не выпрыгивают в ночи с парашютом над вражеской территорией. Уважающий себя шпион прилетает на самолете и селится в хорошей гостинице. А что касается Иных – то никаких ограничений в миграции у нас нет, а гражданство любой страны даже слабый маг получит без всякой проблемы. Ну зачем эта нелепая стойка?

Вероятно, для Инквизиции. Формально таможенные посты принадлежат местным Дозорам, Ночному и Дневному. Но еще один доклад каждый день уходит в Инквизицию. И вот там, наверное, его изучают более внимательно.

Делают выводы.

– Доброй ночи. Меня зовут Антон Городецкий, – сказал я, останавливаясь перед стойкой. Документы у нас не в ходу, и то хорошо. Все ходят слухи, что не то магическую метку на каждого начнут ставить, как сейчас на вампиров, не то в обычных человеческих паспортах сделают невидимую для людей запись.

Но пока обходимся без бюрократии.

– Светлый, – утвердительно произнес Темный маг. Слабенький маг, не выше шестого уровня. И очень чахлый физически: узкоплечий, худой, невысокий, бледный, с реденькими светлыми волосенками.

– Светлый, – сказал я.

Мой собрат из лондонского Ночного Дозора оказался жизнерадостным толстым негром. Единственное сходство с напарником – тоже молодой и тоже слабый, седьмой-шестой уровень.

– Привет, брат! – радостно сказал он. – Антон Городецкий? Служишь?

– Ночной Дозор, Россия, город Москва.

– Уровень?

Я вдруг сообразил, что они не могут прочесть мою ауру. До четвертого или пятого уровня Силы – прочитали бы. А выше для них все сливается в сплошное свечение.

– Высший.

Темный немного подтянулся. Они, конечно, эгоисты и индивидуалисты. Но зато и перед вышестоящими преклоняются.

Светлый широко открыл глаза и сказал:

– О! Высший! Надолго?

– Проездом. В Эдинбург. Через три часа улетаю.

– Отдых? Или по делу?

– Командировка, – ответил я без уточнений.

Светлые, конечно, либеральны и демократичны. Но при этом Высших уважают.

– В сумрак вошли там? – Темный кивнул в сторону человеческой таможни.

– Да. На камерах слежения не останусь?

Темный покачал головой:

– Нет, тут все нами контролируется. А вот в городе рекомендуем быть осторожнее. Камер много. Очень много. Периодически люди замечают, как мы исчезаем и появляемся, приходится заметать следы.

– Я даже из аэропорта не выйду.

– В Эдинбурге камеры тоже есть, – вмешался Светлый. – Меньше, но все же… У вас есть координаты эдинбургского Дозора?

Он не стал уточнять, что речь идет о Ночном Дозоре. И так понятно.

– Есть, – сказал я.

– У меня хороший друг держит маленькую семейную гостиницу в Эдинбурге, – опять вступил в разговор Темный. – Уже двести с лишним лет. Рядом с замком, на «Королевской миле». Если вас не смутит, что он вампир…

Да что ж это такое, сплошные вампиры вокруг!

– …то вот визитка. Очень хорошая гостиница. Дружественная к Иным.

– Я отношусь к вампирам без всякого предубеждения, – заверил его я, принимая картонный прямоугольник. – Среди моих друзей были вампиры.

И одного друга-вампира я отправил на смерть…

– В секторе «В» есть хороший ресторан, – опять вмешался Светлый.

Они так искренне были настроены мне помочь, что я не знал, как и миновать этот кордон сплошного дружелюбия и благожелательности. К счастью, приземлился какой-то самолет – и за мной замаячили еще несколько Иных. Непрерывно улыбаясь, к чему мимическая мускулатура русского человека плохо приспособлена, я отправился за своим чемоданом.

В ресторан я не пошел, есть мне не хотелось совершенно. Побродил немного по аэропорту, выпил чашку двойного эспрессо, подремал на кресле в зале ожидания – и, позевывая, прошел в самолет. Как и следовало ожидать, Егор летел тем же рейсом. Но теперь мы демонстративно не замечали друг друга. Точнее, он меня демонстративно не замечал, а я с общением не навязывался.

Еще через час мы приземлились в аэропорту Эдинбурга.

Время близилось к полудню, когда я сел в такси – замечательно удобное английское такси, по которым начинаешь тосковать, едва покидаешь Великобританию. Поздоровался с водителем и, повинуясь внезапному порыву, протянул визитку «дружественной гостиницы». У меня было забронировано место в обычном человеческом отеле. Но возможность поговорить с одним из старейших шотландских вампиров (двести лет – не шутка даже для них) в неформальной обстановке была слишком уж соблазнительной.

Отель и впрямь был в историческом центре города, на холме, поблизости от королевского дворца. Я опустил стекло и с любопытством человека, впервые выбравшегося в новую и интересную страну, глазел по сторонам.

Эдинбург впечатлял. Можно, конечно, сказать, что так впечатляет любой старинный город, по которому не прокатился шестьдесят лет назад огненный каток мировой войны, стирая в прах древние соборы, замки, дома и домишки. Но тут было что-то особенное. Может быть, сам королевский замок, так удачно стоящий на горе и венчающий город каменной короной. Может быть, обилие людей на улицах – праздношатающихся, увешанных камерами, заглядывающихся то на витрины, то на памятники туристов. Ведь короля всегда делает свита. Может быть, кружево улиц со старинными домами и булыжной мостовой, вольно раскинувшихся вокруг замка.

Королю, даже с самой красивой короной на голове, нужно еще и достойное облачение. Голого короля из сказки Андерсена не спасли сверкающие на голове бриллианты.

Такси остановилось у четырехэтажного каменного дома, узкий фасад которого был зажат между двумя магазинами, полными посетителей. В витринах висели разноцветные килты и

шарфы, стояли неизбежные бутылки виски. Ну а что еще отсюда везти? Из России – водку и матрешки, из Греции – узо и расшитые скатерти, из Шотландии – виски и шарфы.

Я выбрался из такси, принял из рук водителя чемодан, расплатился. Посмотрел на здание. Вывеска над входом в отель гласила: «Highlander Blood».

Да. Наглый вампир.

Морщась от яркого солнца, я подошел к дверям. Становилось жарко. Легенда о том, что вампиры не переносят солнечного света, не более чем легенда. Переносят, солнце им всего лишь неприятно. А вот в такие жаркие летние дни я их даже в чем-то понимаю.

Дверь передо мной не спешила открыться, автоматику в отеле явно недолюбливали. Так что я толкнул ее рукой и вошел.

Ну, хотя бы кондиционер здесь был. Вряд ли эта прохлада осталась с ночи, несмотря на толстые каменные стены.

Маленький вестибюль был полутемным и, может быть, именно поэтому очень уютным. За стойкой я увидел немолодого, очень представительного господина. Хороший костюм, галстук с заколкой, рубашка с серебряными запонками в виде цветка чертополоха. Лицо полное, усатое, краснощекое – кровь с молоком… Впрочем, аура сомнений не вызывала – человек.

– Добрый день. – Я подошел к стойке. – Мне рекомендовали вашу гостиницу… Я бы хотел снять номер на одного.

– На одного человека? – с милейшей улыбкой спросил господин.

– На одного, – повторил я.

– Очень плохо с номерами, фестиваль… – Господин вздохнул. – Вы ведь не бронировали?

– Нет.

Он снова горестно вздохнул, стал пролистывать какие-то бумаги – будто в этой маленькой семейной гостинице было столько номеров, что он не мог запомнить, есть ли свободные. Не поднимая глаз, спросил:

– А кто рекомендовал нас?

– Темный на контроле в Хитроу.

– Полагаю, мы сумеем вам помочь, – без всякого удивления ответил мужчина. – Какой номер предпочтете? Светлый, темный? Если вы… э… с собачкой – есть очень удобный номер, из которого даже самый большой пес сможет сам выходить… и входить обратно… никого не беспокоя.

– Мне нужен светлый номер, – сказал я.

– Дай ему люкс на четвертом, Эндрю, – раздалось из-за спины. – Это высокий гость. Очень высокий.

Взяв у портье возникший как по волшебству ключ (нет, никакого волшебства, только ловкость рук), я повернулся.

– Я сам вас провожу, – сказал светловолосый юноша, стоящий у сигаретного автомата рядом с дверьми, ведущими в маленький гостиничный ресторанчик. Очень часто в таких гостиницах обходятся вообще без ресторана, завтрак подают в номера, но у здешних постояльцев слишком экзотические вкусы.

– Антон, – представился я, разглядывая владельца гостиницы. – Антон Городецкий, Москва. Ночной Дозор.

– Брюс, – сказал юноша. – Брюс Рамзей, Эдинбург. Владелец этого заведения.

Выглядел он так, что ему было бы впору играть Дориана Грея в экранизации Уайльда. Молодой, грациозный и до неприличия свеженький красавчик, которому пошел бы значок с надписью «К разврату готов!».

Вот только глаза у него были старые. Серые, выцветшие, с равномерно розовым белком глаза двухсотлетнего вампира.

Подхватив мой чемодан – я не стал спорить, – юноша начал подниматься по узкой деревянной лестнице, говоря на ходу:

– К сожалению, у нас нет лифта. Старое здание и слишком маленькое, чтобы прорубать в нем шахту. К тому же я не привык к лифтам. Мне кажется, что механическое чудище обезобразит этот чудесный дом. Ненавижу эти реконструированные дома, старые фасады, за которыми прячутся скучные типовые квартиры. Да у нас и нечасто появляются посетители, которым трудно подняться по лестнице… разве что оборотни не любят крутые ступеньки, но их мы стараемся селить на первом этаже – там есть специальный номер – или на втором… каким ветром вас занесло в наш тихий город, Высший Светлый?

Он и сам был не прост. Вампир первого уровня Силы – не совсем магической, не такой, как у меня, а вампирской. Но все-таки его смело можно было назвать Иным первого уровня.

– Происшествие в «Подземельях», – сказал я.

– Так и предполагал. – Размашисто перешагивая сразу через две ступеньки, юноша шел впереди. – Крайне неприятное происшествие. Я оценил юмор ситуации, да… Но это нехорошо. Сейчас не те времена, когда можно было подойти к симпатичному человеку и выпить его досуха. Совсем не те!

– Скучаете по прошлому? – не выдержал я.

– Иногда, – сказал юноша. Засмеялся: – Но в каждом возрасте и каждом времени есть свои преимущества, верно? Цивилизуются люди, перестают охотиться за ведьмами и верить в вампиров. Цивилизуемся и мы. Нельзя подходить к человеку, будто к бесправному скоту. Люди заслуживают право на уважительное отношение, хотя бы как наши предки. Надо чтить предков, верно?

К сожалению, я не нашел, с чем тут можно спорить.

– Номер хороший, вам понравится, – продолжал вампир, выходя на площадку четвертого этажа. Тут было всего две двери. Лестница продолжалась дальше, в мансарду. – Справа – люкс для Темных, тоже крайне симпатичный, я обставлял его на свой вкус и горжусь дизайном. А это ваш номер.

Ему ключ не понадобился – он мягко похлопал ладонью по замку, и дверь открылась. Мелкое позерство, даже странное для древнего вампира.

– У нас есть очень хороший дизайнер-самоучка, Светлый Иной. У него только шестой уровень, но для этой работы магия не нужна, – продолжил Брюс. – Я его попросил, он оформил три номера по вкусу Светлых. В большинстве, конечно же, интерьер более своеобразный, вы понимаете…

Я вошел в номер. И застыл в остолбенении.

Никогда не думал, что у меня такой вкус.

Все вокруг было белое, бежевое, розовое. Паркет из светлого, выбеленного дерева, стены обиты бежевыми обоями с бледно-розовыми цветами, мебель старомодная, но тоже из светлого дерева и снежно-белого атласа. Большой диван у стены – кожаный. Уточнять цвет? Белый, конечно же. Хрустальная люстра под потолком. На окнах – прозрачный тюль и шторы из светло-розовой ткани.

Как же тут солнце жарит по утрам…

Одна дверь вела в маленькую спальню. Уютную, с двуспальной кроватью. Постельное белье – шелковое, розовое. На туалетном столике – вазочка, в ней свежая алая роза, единственный яркий мазок на весь номер. За другой дверью оказался санузел, крошечный, но оборудованный каким-то высокотехнологическим гибридом гидромассажной ванны и душевой кабины.

– Пошловато и не отвечает стилю, – вздохнул за моей спиной Брюс. – Но многим нравится.

Лицо его, отражающееся в зеркале, было слегка огорченным. Видимо, ему очень не нравилась идея с установкой в гостинице этого сантехнического чуда.

Не оборачиваясь, я кивнул вампиру. То, что кровососы не отражаются в зеркалах, – это такая же ложь, как и полная непереносимость солнечного света и страх перед чесноком, серебром, осиной. Напротив, в зеркалах они отражаются, даже когда отводят человеку глаза.

А вот если при разговоре на них не смотрят, более того – безбоязненно поворачиваются спиной, это их крайне нервирует. У вампиров очень много приемов, для которых надо встретиться с противником прямым взглядом.

– С удовольствием вымоюсь, – сказал я. – Но попозже. У вас не найдется для меня десяти минут, Брюс?

– Вы с официальным визитом в Эдинбурге, Светлый?

– Нет.

– Тогда, конечно же, найдется. – Вампир расплылся в улыбке. Уселся в одно из кресел.

Я занял место напротив. Выдавил ответную улыбку, глядя юноше на подбородок.

– Так что вы скажете о номере? – поинтересовался Брюс.

– Мне кажется, он понравился бы невинной девушке семнадцати лет, – честно ответил я. – Только еще нужен белый котенок.

– Если пожелаете – организуем и то и другое, – любезно предложил вампир.

Что ж, светскую часть беседы можно считать оконченной.

– Я прибыл в Эдинбург неофициально, – повторил я. – Но одновременно – по просьбе руководства Ночного… и Дневного Дозоров Москвы.

– Как необычно… – тихо сказал юноша. – Уважаемый Гесер и досточтимый Завулон отправляют одного и того же гонца… к тому же – Высшего мага… к тому же – по такому мелкому поводу. Что ж, я буду рад помочь.

– Лично вас беспокоит случившееся? – в лоб спросил я.

– Конечно. Я ведь уже высказал свое мнение. – Брюс нахмурился. – Мы не в Средневековье живем. Мы граждане Европы, на дворе двадцать первый век. Надо ломать старые модели поведения… – Он вздохнул, покосился на дверь в ванную. – Нельзя мыться из тазика и ходить в деревянный сортир, если придуманы водопровод и канализация. Даже если тазик привычнее и милее… У нас, знаете ли, последнее время растет движение за гуманное отношение к людям. Без лицензии кровь никто не пьет. Да и с лицензией стараются не насмерть… детей до двенадцати лет почти не пьют, даже если жребий выпадет.

– А почему до двенадцати?

Брюс пожал плечами.

– Так исторически сложилось. В Германии, к примеру, знаете какое самое страшное преступление? Убийство ребенка до двенадцати лет. Если двенадцать исполнилось, ну, хоть бы вчера, то уже совершенно другие статьи и другие сроки… Ну так вот, у нас сейчас принято не трогать молодняк. Сейчас пробиваем закон, чтобы детей вообще вывести из лотереи.

– Очень трогательно, – пробормотал я. – А почему же парня схарчили без лицензии?

Брюс задумался.

– Вы знаете, я могу лишь строить предположения…

– Как раз они меня и интересуют.

Брюс еще помедлил, потом широко улыбнулся:

– Да что тут рассуждать? У кого-то из молодых крыша поехала. Скорее всего девка молодая, вампиром стала недавно, понравился ей парень… а тут еще обстановка такая волнующая, в духе старых преданий… не удержалась.

– Думаете, что женщина?

– Может, и парень. Если гей. Оно не то чтобы напрямую завязано. – Брюс смущенно опустил глаза. – Но всегда приятнее… физиологичнее как-то, естественнее…

– А второй вариант? – с трудом удержавшись от комментариев, спросил я.

– Гастролер. Какой-нибудь турист. Знаете, после Второй мировой войны все так перемешалось, все стали ездить туда-сюда… – Он неодобрительно покачал головой. – Некоторые безответственные личности стали этим пользоваться.

– Брюс, я не хотел бы тревожить ваши Дозоры, – сказал я. – Еще сочтут, чего доброго, будто московские коллеги сомневаются в их профессионализме. Может быть, вы подскажете, кто у вас в городе главный вампир? Старший, Великий… как вы его называете?

– Я – никак. – Брюс широко улыбнулся. И демонстративно неторопливо шевельнул клыками – выпустил из верхней челюсти два длинных острых зуба, потом втянул обратно. – А вот меня называют Мастером. Мне не очень нравится слово, оно из глупых книжек и фильмов. Но если им так хочется – пускай зовут.

– Для Мастера вы все-таки молоды, – сказал я с легким удивлением. – Всего двести лет.

– Двести двадцать восемь лет, три месяца и одиннадцать дней, – уточнил Брюс. – Да, я молод. Но это же Шотландия. Вы бы знали, какой подозрительный, упрямый, заскорузлый в своих суевериях народ эти горцы! В пору моей юности не проходило и года, чтобы кого-нибудь из нас не забивали осиновыми кольями.

Возможно, что мне показалось, но в голосе Брюса мелькнула отчетливая гордость за земляков.

– Вы мне поможете, Мастер? – спросил я.

Брюс покачал головой:

– Нет. Конечно же, нет! Если мы выясним, кто убил русского парня, мы его накажем. Сами. Не упокоим, но накажем строго. Дозорам его никто не выдаст.

Ну разумеется. Ничего иного не стоило и ожидать.

– Бесполезно спрашивать: «А вдруг вы его уже нашли и наказали»? – спросил я.

– Бесполезно, – со вздохом ответил Брюс.

– Так что мне, суетиться, искать преступника? – нарочито жалобно произнес я. – Или просто отдохнуть в вашем чудесном городе?

В голосе Брюса прорезалась ирония:

– Как Темный я не могу сказать вам ничего иного, кроме как «отдыхайте!». Расслабьтесь, осмотрите музеи, погуляйте вволю. Кому теперь важен этот дохлый студент?

И тут я почувствовал, что больше сдерживаться не хочу. Посмотрел Брюсу в глаза. В черные дыры зрачков, радостно полыхнувших алым. Спросил:

– А если я сломаю тебя, дохлый кровосос? Сломаю, выпотрошу и заставлю ответить на все вопросы?

– Давай, – нежным, почти ласковым голоском ответил Брюс. – Попробуй, Высший. Думаешь, мы не знаем про тебя? Думаешь, мы не знаем, откуда твоя Сила?

Глаза в глаза.

Зрачки в зрачки.

Черный пульсирующий тоннель, влекущий меня в пустоту. Водоворот красных искр чужой, похищенной жизни. Манящий шепот в ушах. Одухотворенное, возвышенное, неземной красоты лицо юноши-вампира.

Упасть к его ногам…

Плакать от восторга и восхищения – этой красотой, мудростью, волей…

Молить о прощении…

Он был очень силен. Все-таки двести лет опыта, помноженные на первый уровень вампирской Силы.

И я почувствовал его мощь в полной мере. Встал на негнущихся, чужих ногах. Сделал неуверенный шаг.

Брюс улыбнулся.

Точно так же улыбались восемь лет назад вампиры в московской подворотне, куда я вбежал вслед за беспомощным, поддавшимся зову Егором…

Я вложил в ментальную атаку столько Силы, что потрать я ее на файербол – огненный шар пронзил бы десятка три домов и ударил в крепостную стену древнего шотландского замка.

Зрачки Брюса побелели, выцвели. Манящий черный тоннель выжгло белым сиянием. Передо мной, покачиваясь вперед-назад, сидел ссохшийся старик с молодым лицом. Впрочем, кожа на лице стала шелушиться, отслаиваться крошечными чешуйками, будто перхотью.

– Кто убил Виктора? – спросил я. Сила продолжала течь сквозь меня тонким ручейком, вилась гибкой удавкой, продернутой в глаза вампира.

Он молчал, лишь продолжал качаться в кресле. Уж не выжег ли я ему мозги… или что там у него вместо мозгов? Хорошее начало неофициального расследования!

– Ты знаешь, кто убил Виктора? – переформулировал я вопрос.

– Нет, – тихо ответил Брюс.

– У тебя есть какие-то догадки по этому поводу?

– Да… две. Молодой… молодая не удержалась… Гастролер… заезжий вампир…

– Что еще ты знаешь об этом убийстве?

Молчание. Словно он собирается с мыслями, прежде чем начать долгую речь.

– Что еще ты знаешь такого, что неизвестно сотрудникам городских Дозоров?

– Ничего…

Я остановил поток Силы. Опустился в кресло.

Что же теперь делать? А если он заявит жалобу в Дневной Дозор? Неспровоцированное нападение, допрос…

С минуту Брюс все так же качался в кресле. Потом вздрогнул, и взгляд его стал осмысленным.

Осмысленным и жалким.

– Прошу прощения, Светлый, – тихо сказал он. – Я приношу свои извинения.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

Мастер вампиров – это не просто самый сильный, ловкий, умный кровосос. Это еще и тот, кто ни разу не терпел поражения.

Для меня жалоба Брюса обернется большими неприятностями. Но для него – потерей статуса.

А этот вежливый древний юноша очень честолюбив.

– Принимаю твои извинения, Мастер, – ответил я. – Пусть случившееся останется между нами.

Брюс облизнул губы. Его лицо розовело, приобретая прежнюю миловидность. Голос чуть окреп – он тоже понял, что не в моих интересах обнародовать случившееся.

– Но я бы попросил, – в последнем слове был и нажим, и ядовитая ненависть, – не повторять больше подобных атак, Светлый. Агрессия не была спровоцирована.

– Ты вызвал меня на поединок.

– Де-юре – нет, – быстро ответил Брюс. – Ритуал вызова не соблюден.

– Де-факто – да. Станем тревожить Инквизицию?

Он моргнул. И снова стал прежним гостеприимным хозяином.

– Хорошо, Светлый. Кто старое помянет…

Брюс поднялся – его чуть качнуло. Прошел к двери. За порогом повернулся и с видимым неудовольствием произнес:

– Мой дом – твой дом. Этот номер – твое жилье, я не войду без спроса.

А вот эта древняя легенда, как ни странно, правдива. Вампиры не могут войти в чужой дом без приглашения. Никто не знает, почему это так.

Дверь за Брюсом закрылась. Я отпустил подлокотники кресла – на белом атласе остались мокрые отпечатки ладоней. Темные отпечатки.

Плохо, когда ночь не спишь. Нервы начинают шалить.

Но зато я твердо знаю, что у Мастера вампиров Эдинбурга нет никакой информации об убийце.

Я распаковал чемодан. Повесил на плечики светлый льняной костюм, пару свежих рубашек. Посмотрел в окно. Покачал головой. Достал шорты и футболку с надписью «Ночной Дозор». Хулиганство, конечно, но мало ли странных надписей на футболках?

Потом мое внимание привлек витиеватый, каллиграфический текст в рамочке на стене. Я уже заметил одну такую рамочку внизу и одну на лестнице – по всей гостинице, что ли, развешаны? Подошел поближе и с удивлением прочитал:

By oppression's woes and pains,
By your sons in servile chains,
We will drain our dearest veins
But they shall be free![2]

– Ай да сукин сын! – сказал я. Почти с восхищением. И ведь даже люди, останавливающиеся в гостинице, ничего дурного бы не заподозрили!

Бесспорно, у Брюса было такое же чувство юмора, как и у вампира, высосавшего жертву в аттракционе «Замок вампиров». Прекрасный кандидат на роль убийцы.

Одна беда – под таким ударом, который он получил, врать Брюс попросту не мог.

Глава 3

Туристы – это самая ужасная порода людей. Иногда возникает смутное подозрение, что любой народ за пределы страны старается отправить самых неприятных своих представителей – самых шумных, самых невоспитанных, самых бестолковых. Но, наверное, все проще. Наверное, в голове у каждого человека срабатывает секретный переключатель «работа-отдых» и отключает процентов восемьдесят мозгов.

Впрочем, на отдыхе и оставшихся двадцати более чем достаточно.

Я шел в толпе, которая медленно продвигалась к замку на холме. Нет, я не собирался сейчас изучать суровое обиталище гордых шотландских королей. Хотелось почувствовать атмосферу города.

Атмосфера мне нравилась. Как и в любом туристическом месте, веселье было отчасти наигранным, горячечным, подстегнутым алкоголем. И все-таки люди вокруг радовались жизни, улыбались друг другу и на время отринули свои заботы.

Машины сюда заезжали редко, большей частью такси. В основном люди шли пешком – текущие к замку и обратно потоки смешивались, вращались тихими омутами вокруг выступающих посреди улицы артистов, тонкими ручейками втекали в пабы, просачивались в двери магазинов. Бесконечная человеческая река.

Прекрасное место для Светлого Иного. Хотя и утомительное.

Свернув в переулок, я неторопливо спустился вниз, к разделяющему город на старую и новую части оврагу. Тут тоже попадались и пабы, и сувенирные лавки. Но туристов было меньше, ритм безудержного карнавала стих. Я сверился с картой – это было проще, чем использовать магию, – и двинулся к мосту через широченный овраг, когда-то бывший озером Лох-

[2] Бой идет у наших стен.Ждет ли нас позорный плен?Лучше кровь из наших венОтдадим народу.Роберт Бернс.*Перевод С. Я. Маршака.*

Нор. Теперь озеро-овраг прошло последний этап эволюции и превратилось в парк, место прогулок горожан и тех туристов, кому надоели шум и суета.

На мосту снова клубились туристы. Оккупировали двухэтажные экскурсионные автобусы, наблюдали за уличными артистами, ели мороженое, задумчиво разглядывая старый замок на холме.

А на лужайке плясали, размахивая саблями, казаки.

Повинуясь тому стыдливому любопытству, с которым праздношатающийся турист смотрит за рубежом на работающих соотечественников, я подошел ближе.

Ярко-красные рубахи. Широченные шаровары. Сабли из титанового сплава – чтобы красиво искрили при фехтовании и размахивать было легче. Застывшие улыбки.

Четверо мужиков отплясывали вприсядку.

И разговаривали – хоть и с украинским акцентом, но на исконно русском языке. Можно даже сказать – на секретном языке. В более цензурном варианте это звучало бы так.

– Мать твою! – цедил сквозь зубы бодро приплясывающий бутафорский казак. – Шевелись, тля! Ритм держи, презерватив рваный!

– Пошел ты! – не переставая улыбаться, отвечал ему второй ряженый. – Не трынди, маши руками, бабло уходит!

– Танька, сука! – подхватывал третий. – Выходи!

Девушка в цветастом платье принялась плясать, давая «казакам» короткую передышку. Но все-таки успела ответить достойно и без матюков:

– Козлы, я вся взмокла, а вы яйца чешете!

Я стал выбираться из жужжащей камерами и щелкающей фотоаппаратами толпы. Рядом со мной какая-то девушка отчетливо спросила по-русски своего спутника:

– Кошмар какой… они всегда так матерятся, как ты думаешь?

Да, интересный вопрос. Всегда? Или только за рубежом? Все? Или только наши? В той наивной и странной вере, что вне России никто не знает русского?

Лучше я буду думать, что так общаются все уличные артисты.

Автобусы.

Туристы.

Пабы.

Магазины.

В сквере блуждает мим, ощупывая несуществующие стены, – грустный человек в невидимом лабиринте.

Играет на саксофоне невозмутимый негр в килте.

Я понимал, почему не спешу в «Подземелья Шотландии». Я должен вдохнуть в себя этот город. Почувствовать его – кожей, телом… кровью в венах.

Я поброжу в толпе еще немного. А потом куплю билет и пойду в комнату страха.

Аттракцион не работал. На каменных опорах моста осталась огромная зазывная вывеска. Стилизованная под «вход в древнее подземелье» двустворчатая дверь была открыта, но проем на уровне груди перетянут веревочкой. На ней висела табличка, вежливо извещающая, что аттракцион закрыт по техническим причинам.

Честно говоря, я был удивлен. Виктор погиб пять дней назад. Достаточный срок, чтобы провести любое полицейское расследование. Ночной Дозор Эдинбурга осмотрел бы все, что требуется, вообще не оповещая людей.

Но – закрыто…

Пожав плечами, я приподнял веревочку, нырнул под нее, стал спускаться по узкой темной лестнице. Металлические решетчатые ступени гулко отдавали под ногами. На пару пролетов вниз обнаружились туалеты, потом узкий коридорчик с закрытыми кассами. Горели редкие

лампы, но, вероятно, не те, которые создают мрачную атмосферу для посетителей. Обычные тусклые энергосберегающие лампы.

– Есть кто живой? – позвал я по-английски и сам поразился двусмысленности своих слов. – Эй… есть кто… Иной?

Тишина.

Я прошел несколько комнат. На стенах висели портреты людей со зверскими рожами, душевно порадовавшие бы Ломброзо. Тексты в рамочках повествовали о преступниках, маньяках, людоедах, чернокнижниках. В шкафчиках – грубые муляжи отрубленных рук и ног, колбы с темными жидкостями, орудия пыток. Из интереса я посмотрел на них сквозь сумрак. Новодел – ими никого не пытали, ни малейших остаточных следов страдания.

Я зевнул.

Над головой были натянуты веревки, долженствующие изображать паутину, на них болтались тряпки, еще выше угадывался металлический потолок с неромантичными заклепками размером с блюдце. Под аттракцион приспособили сугубо утилитарное, техническое помещение.

Что-то меня тревожило…

– Есть тут кто? Кто живой, кто мертвый, все отзывайтесь! – снова позвал я. Снова не дождался ответа. Нет, что же все-таки меня смутило? Только что… какая-то неправильность… вот когда я через сумрак смотрел…

Я снова огляделся, используя сумеречное зрение.

Все верно! Вот она, несуразность!

Вокруг не было синего мха – безобидного, но неприятного паразита. Он растет на первом слое сумрака, единственный постоянный обитатель этой серой изнанки мироздания. Здесь, где люди постоянно испытывали страх, пусть даже и несерьезный, ярмарочный, синий мох должен был разрастись вовсю. Свисать с потолка мохнатыми сталактитами, устилать пол отвратительным шевелящимся ковром, разукрасить стены.

А мха нет.

Кто-то регулярно чистит помещение? Выжигает – если Светлый, или замораживает – если Темный?

Что ж, если среди сотрудников есть Иной – это мне поможет.

Словно в ответ на мои мысли послышались шаги. Торопливые – словно кто-то услышал мои крики и спешил издалека, через лабиринт гипсокартонных перегородок. Прошло еще несколько секунд, выкрашенная в черный цвет дверь, ведущая из этой комнаты в следующую, открылась.

И вошел вампир.

Ненастоящий, конечно. Обычная человеческая аура.

Ряженый.

Черный плащ, резиновые клыки во рту, бледный грим на лице. Грим качественный. Вот только с рыжими кудрявыми волосами это все сочетается плохо. Наверное, во время работы ему приходится надевать черный парик. Еще выпадала из картины пластиковая бутылочка минералки, из которой гость как раз собирался отхлебнуть.

Увидев меня, парень нахмурился. Добродушное лицо стало не то чтобы злым, но строгим, наставительным. Он потянул руку ко рту, на секунду отвернулся. Когда снова посмотрел на меня – клыков уже не было.

– Мистер?

– Вы здесь работаете? – спросил я. Мне не хотелось применять магию и ломать его волю. Всегда можно договориться просто так. По-человечески.

– Да, но аттракцион закрыт. Временно.

– Это из-за убийства? – спросил я.

Парень нахмурился. Теперь уж он точно не был настроен дружелюбно.

– Мистер, не знаю, как вас там… Это частная территория. Она закрыта для посетителей. Прошу вас, пройдемте к выходу.

Он сделал шаг ко мне и даже протянул руку, всем своим видом выражая готовность вывести меня силой.

– Вы присутствовали здесь, когда убили Виктора Прохорова? – спросил я.

– Кто вы такой, собственно говоря? – Парень насторожился.

– Я его друг. Сегодня прилетел из России.

Парень изменился в лице. Начал пятиться, пока не уперся в дверь, из которой пришел. Толкнул ее – но дверь не открылась. Каюсь, в этом была моя вина.

Теперь уже парень пребывал в полнейшей панике.

– Мистер… я ни в чем не виноват! Мы все скорбим о гибели Виктора! Мистер… товарищ!

Последнее слово он произнес по-русски. Из какого старого боевика он его запомнил?

– Да что с вами? – Теперь уже растерялся я. Подошел к нему ближе. Неужели мне повезло, и я с ходу наткнулся на человека, который что-то знает, который причастен к убийству? А иначе – с чего такая паника?

– Не убивайте меня, я ни в чем не виновен! – выпалил парень. Кожа его теперь была белее грима. – Товарищ! Спутник, водка, перестройка! Горбачев!

– Вот за последнее слово в России точно могут убить, – пробормотал я и полез в карман за сигаретами.

Очень неудачная оказалась фраза. Да и движение не лучше. Глаза у парня закатились, и он рухнул на пол. Бутылка с минералкой упала рядом.

Из чистого упрямства я все-таки обошелся без магии. Выручили похлопывания по щекам и глоток воды. А потом – заботливо предложенная сигарета.

– Тебе хорошо смеяться, – мрачно сказал парень, когда мы с ним расположились в бутафорских пыточных креслах. В сиденье была дыра, в дыре угрожающе таился кол на кривошипно-рычажном механизме. – Тебе смешно…

– Я не смеюсь, – кротко заметил я.

– Смеешься, только про себя. – Парень жадно затянулся. Протянул мне руку: – Жан.

– Антон. А я решил, что ты – шотландец.

Жан с некоторой гордостью тряхнул рыжими кудрями.

– Нет… француз. Я из Нанта.

– Учишься здесь?

– Подрабатываю.

– Слушай, а почему на тебе этот идиотский костюм? – спросил я. – Посетителей ведь нет.

Жан покраснел – быстро, как могут только рыжие и альбиносы.

– Шеф назначил сегодня дежурить, пока аттракцион не открылся. Жду… вдруг снова полиция что-то захочет проверить. Одному тут неуютно. В костюме… спокойней.

– Я чуть в штаны не наложил, – пожаловался я парню. Нет ничего лучше для снятия стресса, чем такой вот низкий стиль. – А ты-то чего испугался?

Жан покосился на меня. Пожал плечами:

– Кто его знает? Парня убили у нас. Вроде как мы в чем-то виноваты… хотя в чем, в чем? А он же русский! Мало ли… все помнят, чем это кончается… Мы тут стали обсуждать, вначале в шутку… Потом как-то серьезнее. Вдруг приедет отец, брат или друг… ну и поубивает всех.

– Вот ты о чем, – сообразил я. – Ну… могу уверить, в России кровная месть не слишком распространена. У шотландцев, между прочим, она тоже существует.

– А я о чем говорю? – непоследовательно согласился Жан. – Варварство какое-то. Дикарство! Двадцать первый век, цивилизованный мир…

– И перерезанное горло, – поддакнул я. – Что все-таки случилось с Виктором?

Парень покосился на меня. Затянулся сигаретой, покачал головой:

– Мне кажется, ты врешь. Ты не друг Виктора. Ты из русского КГБ. Тебя послали расследовать убийство. Так?

Он что, действительно пересмотрел боевиков? Мне стало смешно.

– Ты же понимаешь, Жан, – вполголоса сказал я, – что ответить на твой вопрос я не вправе.

Француз очень серьезно закивал. Потом тщательно загасил сигарету о пол.

– Пошли, русский. Я тебе покажу то место. Только больше не кури, здесь все из тряпок и картона, полыхнет как порох – ух!

Он толкнул дверь – и та, конечно же, легко открылась. Жан задумчиво осмотрел ее и пожал плечами. Мы миновали еще несколько комнат.

– Вот он, этот дерьмовый вампирский замок, – мрачно сказал Жан. Пошарил по стене, щелкнул выключателем – свет стал гораздо ярче.

Да, темнота тут была бы уместнее. Без нее аттракцион выглядел просто нелепо. «Кровавая река», по которой предстояло плыть к вампирам, представляла собой длинный металлический желоб шириной метра в три. Желоб был заполнен водой.

Неглубоко.

По колено примерно.

Металлическая баржа, конечно же, не плыла по воде. Я покачал борт ногой и понял, что лодка стоит на дне на каких-то роликах. Под водой виднелся и трос, который буксировал лодку от одного «причала» к другому. Общая длина желоба не превышала пятнадцати метров. На середине пути железное корыто заползало в отгороженную тяжелыми занавесками (сейчас отдернутыми) комнату. Под потолком комнаты виднелся внушительных размеров вентилятор. На одной стене был грубо нарисован мрачный замок, стоящий на скале.

Пройдя на нос баржи, я заглянул в темную комнатку. Да, идиотское место, чтобы расстаться с жизнью. Так… за пять дней следы могли и исчезнуть, но все-таки попробую.

Взгляд сквозь сумрак не помог. Я отметил слабые следы Иных – Светлых и Темных, но это изучали место убийства эксперты Дозоров. Никаких признаков «вампирской тропы» не было. А вот эманации смерти чувствовались. И настолько явные – будто не пять дней прошло, а час-другой от силы. Ох нехорошо умирал парень…

– А кто озвучивает? – спросил я. – Наверняка ведь слышны всякие охи-вздохи, страшные завывания? Не в тишине же туристов возят?

– Запись, – грустно сказал Жан. – Вон там динамики и еще там…

– И никто здесь не присматривает за туристами? – спросил я. – А если кому-то станет плохо?

– Присматриваем, – неохотно признался Жан. – Видите, слева дырка в стене? Там обязательно кто-то стоит и смотрит.

– В темноте?

– С помощью прибора ночного видения… – Жан смутился. – Обычная видеокамера с режимом ночной съемки. Стоишь, глядишь на экран…

– Ага… – Я кивнул. – И что ты видел, когда убивали Виктора?

То ли он немного успокоился, то ли смирился, но отрицать ничего не стал. Только спросил:

– Почему вы решили, что там был я?

– Потому что ты в костюме вампира. Вдруг кто-то из посетителей тоже снимает на камеру с ночным режимом? Для этого и гримируют, так? Я думаю, у вас тут у каждого своя роль, значит, ты и во время представления носил этот костюм и был поблизости.

Жан кивнул:

– Да, верно. Там был я. Вот только ничего не увидел, поверьте. Все сидели как сидели. Никто на них не нападал, никто не приближался.

Я не стал говорить, что голодного вампира (а он должен был быть очень голодным, чтобы так нагло охотиться) на ночной режим не снять – такая съемка идет в инфракрасных лучах. А голодный вампир не теплее окружающей среды. Может быть, легкие следы на пленке…

– Запись велась?

– Нет, конечно. Зачем зря пленку тратить.

Присев на корточки, я помотал рукой в воде. Вода была холодная и затхлая. Похоже, никто не удосужился ее сменить… впрочем, если расследование не закончено, то это естественно…

– Что-то увидели? – с любопытством спросил Жан.

Я не отвечал. Я смотрел на воду сквозь закрытые веки. Смотрел сумеречным взглядом, проникающим сквозь реальность в суть вещей.

Желоб заполнился мутным хрусталем. Сквозь хрусталь проступили багровые прожилки. На дне желоба клубилась оранжевая взвесь.

В воде была человеческая кровь.

Много крови.

Литра четыре.

Вот откуда, наверное, такие сильные эманации смерти. Кровь хранит память дольше всего на свете.

Если бы в полиции догадались сделать хороший анализ воды – они бы поняли, что всю кровь Виктора попросту слили в канаву. Что никакие вампиры в преступлении не замешаны.

Впрочем, полиция вампиров и не искала. И анализ, возможно, провели. А если нет – то лишь потому, что не сомневались в результатах. По горлу – чик-чик, кровь за борт – буль-буль… Только Иным могла прийти в голову такая идиотская мысль, как искать вампира в аттракционе!

– Ларчик просто открывался, – пробормотал я, вставая с колен. – Блин…

Да, жестокое убийство. И черного юмора убийце не занимать. Вот только это уже не наше дело. Пусть полиция Эдинбурга ведет свое расследование.

Так за что же убили парня? Увы, вопрос дурацкий. Для смерти существует куда больше причин, чем для жизни. Парень молодой, горячий. Отец – бизнесмен и политикан. Мог пострадать и по своей вине, и из-за отцовских дел, и вообще без причины.

Да, Гесер и Завулон сели в лужу одновременно. Увидели опасность там, где ее нет и не было.

– Спасибо за помощь, – сказал я Жану. – Я пойду.

– Все-таки ты русский полицейский, – с удовлетворением произнес Жан. – Ты что-то заметил?

Многозначительно улыбаясь, я покачал головой.

Жан вздохнул:

– Я тебя провожу, Антон.

Неподалеку от «Подземелий» нашелся симпатичный паб под названием «Коростель и флажок». Три маленьких сообщающихся зала, темные стены и потолок, старые лампы, пивные кружки, картинки, безделушки на стенах. Барная стойка с десятком кранов и батареей бутылок

– одного виски было сортов пятьдесят. Все, что приходит в голову при слове «шотландский паб», имелось – к удовольствию разноязыких туристов.

Вспомнив слова Семена, я заказал хаггис и суп дня. Взял у барменши – крупной, с руками, накачанными от непрерывной работы с рычагом пивного насоса, – кружку «Гиннесса». Прошел в дальний зал – самый маленький, где нашелся свободный столик. За соседним обедала компания японцев. Еще за одним столиком у окна пил пиво усатый, полный, пожилой господин, похоже, местный. Вид у него был унылый, как у москвича, которого сдуру занесло на Красную площадь. Откуда-то доносилась музыка, к счастью – негромкая и мелодичная.

Суп оказался простым бульоном с яйцом и сухариками, хаггис – всего-навсего шотландским вариантом ливерной колбасы. Но я съел и суп, и хаггис, и прилагающуюся к нему картошку фри, после чего счел обязательную туристическую программу исполненной.

Больше всего мне понравилось пиво. Допивая бокал, я позвонил домой. Коротко поговорил со Светланой, сообщил, что долго задерживаться не придется – все разрешилось очень быстро.

Перед тем как звонить начальнику эдинбургского Ночного Дозора, я взял себе еще кружку пива. Нашел в телефонной книжке номер Фомы Лермонта, набрал.

– Слушаю вас, – вежливо ответили мне через пару гудков. Что характерно – ответили на русском.

– Добрый день, Томас, – сказал я, решив все-таки не использовать русское имя Фома. – Меня зовут Антон Городецкий, я ваш коллега из Москвы. Гесер просил передать вам большой привет.

Все это прозвучало ужасно похоже на плохую шпионскую историю. Я даже поморщился.

– Здравствуйте, Антон, – непринужденно ответили мне. – А я как раз ждал вашего звонка. Как долетели?

– Прекрасно. Поселился в симпатичной гостинице, немного темная, но зато в центре. Погулял по городу и немного под городом. – Меня уже несло. Говорить эзоповым языком оказалось неожиданно забавно. – Мы могли бы встретиться?

– Конечно, Антон. Я сейчас к вам подойду, – пообещал мой собеседник. – Хотя… может быть, вы ко мне переберетесь? У меня уютнее место.

Я поднял глаза и посмотрел на пожилого господина, сидящего у окна. Высокий лоб, густые брови, острый подбородок, умные ироничные глаза. Господин спрятал в карман мобильник и жестом указал на свободный стул.

Да, у них с Гесером много общего. Не во внешности, конечно, а в манере общения. Пожалуй, господин Томас Лермонт не хуже Бориса Игнатьевича умеет сбить спесь с подчиненных.

Подхватив кружку, я пересел за столик главы эдинбургского Ночного Дозора.

– Зови меня Фома, – заговорил он первым. – Мне будет приятно вспоминать Гесера.

– Вы давно знакомы?

– Давно. У Гесера есть и более давние друзья, у меня – нет… Я много слышал о тебе, Антон.

Я промолчал. Ответить мне было нечем, до вчерашнего дня я и не слышал о главе эдинбургского Ночного Дозора.

– Ты говорил с Брюсом. Как тебе наш Мастер вампиров?

Помедлив, я сформулировал свои впечатления:

– Злой, несчастный, ироничный. Но они все злы, несчастны и ироничны. Не убивал Виктора, конечно же.

– Ты на него надавил, – не спросил, а констатировал Фома.

– Да. Так получилось. Он ничего не знает.

– Не оправдывайся. – Лермонт отпил пива. – Очень удачно вышло. Самолюбие заставит его смолчать, а информацию мы получили… Хорошо, что ты увидел в «Подземельях Шотландии»?

– Страшилка для детей. Аттракцион закрыт, но мне удалось поговорить с одним из актеров. И осмотреть место происшествия.

– Ну? – оживился Лермонт. – И что ты выяснил, Антон?

Годы общения с Гесером не прошли даром. Теперь я сразу чуял, когда властная начальственная рука собирается макнуть в грязь зарвавшегося молодого мага.

– Эта «Кровавая река», где зарезали Виктора… – Я посмотрел на невозмутимого Лермонта. Поправился: – Где убили Виктора. В воде – кровь. Много человеческой крови. Похоже, что никакой вампир не высасывал из парня кровь. Ему вспороли артерии и держали, пока кровь выливалась в канаву. Но надо сделать анализ воды. Можно привлечь полицию, пусть проведут анализ ДНК…

– Ох уж ваша вера в технологию. – Фома поморщился. – В канаве кровь Виктора. Мы проверили в первый же день. Простейшая магия подобия, достаточно пятого уровня Силы.

Но сдаваться я не собирался. Искусству выкручиваться меня тоже научило общение с Гесером.

– Нам это ни к чему, а вот полиции подсказать идею надо. Пусть тоже узнают, что кровь вылили в канаву. Это им поможет в расследовании, а заодно пресечет все слухи о вампирах.

– У нас хорошая полиция, – спокойно сказал Фома. – Они тоже все проверили и ведут расследование. А пресекать глупые слухи – не в их компетенции. Кому интересны глупые «желтые» газетенки…

Я приободрился. Как бы там ни было, но я быстро и четко произвел правильное дознание.

– Полагаю, что дальше наше вмешательство не требуется, – сказал я. – Убийство – зло, но пусть люди сами борются со своим злом. Парня, конечно, жалко…

Фома покивал и отпил еще пива. Потом сказал:

– Жалко парня, да… Антон, а что же нам делать с укусом?

– Каким еще укусом?

Фома слегка перегнулся через стол и шепотом произнес:

– На шее Виктора не рана, Антон. Без всяких сомнений это следы от клыков вампира. Вот незадача, верно?

Я почувствовал, как у меня вспыхнули уши. Глупо спросил:

– Точно?

– Точно-точно. Ну откуда киллеру знать строение и функции вампирского клыка с такой точностью? Латеральные желобки, крючок-метчик, борозда Дракулы, винтовой разворот при прокалывании…

Теперь у меня полыхало все лицо. Я словно наяву увидел класс, в котором когда-то учился, Полину Васильевну с указкой и здоровенный резиновый муляж на столе: что-то острое, вывернутое, закрученное штопором, с белой табличкой из оргстекла, на которой черными буквами написано: «Правый глазной (рабочий) зуб вампира. Муляж. 25/1 нат. вел.». Когда-то муляж был движущимся, при нажатии на кнопку он удлинялся и начинал вращаться. Но моторчик давным-давно перегорел, починить его никто не удосужился, и клык навсегда застыл в положении, среднем между маскировочным и рабочим.

– Я поспешил с выводами, – признался я. – Моя вина, господин Лермонт.

– Вины никакой нет, тебе просто хотелось, чтобы Иные были ни при чем, – великодушно сказал Фома. – Стал бы знакомиться с результатами вскрытия – понял бы, что версия ошибочна. Ну так что скажешь?

– Если вампир был очень голоден и высосал человека досуха, – я поморщился, – то он мог потом и сблевать. Но не всю же кровь… Следы анестезирующей сыворотки в воде были?

– Не было. – Фома одобрительно кивнул. – Впрочем, это ни о чем не говорит, вампир мог спешить и обойтись без обезболивания.

– Мог, – согласился я. – Значит, либо его стошнило, либо укусил и держал, пока парень истекал кровью. Но зачем?

– Чтобы ввести всех в заблуждение и запутать дознание.

– Никакого смысла в этом нет. – Я помотал головой. – Зачем запутывать? Зачем одновременно оставлять следы вампирьего укуса и выливать кровь? Они к ней относятся бережно, попусту не льют. У наших вампиров даже присказка такая есть, для новичков: «Кровь на землю пролил – мать ударил».

– Смысл всегда можно найти, – наставительно произнес Фома. – К примеру – убийце-вампиру нужно было навести подозрения на молодого и голодного вампира. Поэтому он укусил парня, но пить не стал, вылил кровь, понадеявшись, что ее не обнаружат. Или же вампир был голоден, укусил, но тут же опомнился и предпочел вылить кровь, чтобы создать видимость фальсификации данных…

Я замахал руками, совершенно увлекшись и чувствуя себя так, будто разговаривал с Гесером:

– Да бросьте, Бо… Фома! Версий можно много придумать, но я еще не встречал голодного вампира, который, вонзив клыки, отказался бы от крови. Это непродуктивный спор. Куда важнее – почему убили парня. Случайная жертва? Тогда и впрямь надо искать гастролера или неофита. Или кому-то было важно убить именно Виктора?

– Вампир может убить человека одним ударом, – сказал Фома. – И даже без прикосновения. Зачем ему оставлять следы? Виктор мог умереть от разрыва сердца – никто не заподозрил бы неладное.

– Согласен. – Я кивнул. – Тогда… тогда ваш Мастер прав. Это какой-то гастролер, а парень попался ему случайно. Укусил, выпил, перепугался, вытошнил кровь…

– Похоже на то, – согласился Фома. – Но что-то меня тревожит, Антон.

В молчании мы допили пиво.

– Вы не пробовали снять следы с тела? – спросил я.

Уточнять, что имелся в виду отпечаток ауры, не было нужды.

– С мертвого – мертвечину? – Фома скептически покачал головой. – Никогда это не удавалось толком. Но мы пробовали, да. Следов не нашли… Скажи, дозорный, а что еще необычного ты увидел в «Подземельях»?

– Там работают Иные, – сказал я. – Синего мха нет совсем, а место-то эмоциями накачано. Кто-то регулярно чистит.

– Иные там не работают, – буркнул Фома. – Не растет там синий мох.

Я недоверчиво посмотрел на Фому.

– Ради интереса пытались со стороны принести. Сохнет и распадается в течение часа. Вот такая природная аномалия.

– Ну… бывает, вероятно, – сказал я, мысленно отметив, что надо порыться в архивах.

– Бывает, – признал Фома. – Антон, я бы попросил тебя не устраняться пока от расследования. Что-то меня тревожит. Попробуй поговорить с подругой Виктора.

– Девушка еще тут?

– Конечно. Полиция попросила ее пока не покидать город. Отель «Апекс-Сити», здесь неподалеку. Полагаю, тебе будет проще установить с ней контакт.

– Вы ее в чем-то подозреваете?

Фома покачал головой:

– Обычный человек… Нет, дело в другом. Она тяжело переживает гибель любовника, охотно сотрудничает с полицией. Мой сотрудник тоже с ней пообщался… под видом следователя. Но, возможно, соотечественнику будет проще наладить с ней контакт. Вдруг она еще что-

то вспомнит? Жест, взгляд, слово – любую мелочь. Мне очень не хочется закрывать это дело и оставлять все на усмотрение полиции, Антон.

– Хорошо бы еще встретиться с хозяином «Подземелий Шотландии», – сказал я.

– Это тебе ничего не даст, – отмахнулся Фома.

– Почему же?

– Да потому что эти дурацкие «Подземелья» принадлежат мне! – с отвращением сказал Фома.

– А… – Я осекся. – Ну… но тогда…

– Что тогда? У меня небольшой холдинг, «Scottish colours», занимающийся туристическим бизнесом. Наш Ночной Дозор – акционер холдинга, прибыль идет на финансирование оперативной деятельности. Организуем музыкальные и цирковые выступления, есть доля в нескольких гостиницах, четыре паба, «Подземелья Шотландии», три экскурсионных автобуса и агентство, которое возит туристов на озера. А на чем еще прикажешь зарабатывать деньги? – Он усмехнулся. – Весь Эдинбург живет за счет туристов. Если тебя занесет в Глазго и ты окажешься на окраине – не пугайся. Ты увидишь разваливающиеся здания, заколоченные гостиницы, стоящие заводы. Промышленность умирает. В Европе невыгодно производить товары, в Европе выгодно производить услуги. Что еще оставалось делать старому барду, кроме как организовывать концерты и аттракционы?

– Я понимаю, просто это неожиданно…

– Не работают там Иные, – повторил Фома. – Место странное… синий мох не растет… потому и купил когда-то землю. Но ничего необычного не оказалось.

– Тогда возможно, что убийство – удар, направленный на вас? – спросил я. – На вас лично и на Ночной Дозор Эдинбурга? Кто-то хочет скомпрометировать Светлых?

Фома улыбнулся и поднялся со стула.

– Вот для этого ты мне и нужен, Антон. Чтобы в расследовании участвовал сильный маг со стороны. Поговори с Валерией, хорошо? И не откладывая.

Но встречу с Валерией все-таки пришлось отложить.

Уже подходя к отелю, я увидел очередную толпу туристов, сомкнувшихся кольцом вокруг выступающего артиста. Над головами людей радугой взлетали вверх крошечные цветные шарики – и я почему-то сразу понял, кого увижу. Хоть Егор и назвался иллюзионистом, а не жонглером.

На самом деле артистов там оказалось пятеро. Трое молодых парней в ярких «цирковых» одеждах сейчас отдыхали. Молодая девушка в развевающемся полупрозрачном платье обходила зрителей с подносом – монетки и купюры клали довольно охотно.

Сейчас выступал один Егор. Он был в черном костюме, белой рубашке, с галстуком-бабочкой – подтянутый и подчеркнуто отстраненный от яркой, по-летнему одетой толпы.

Егор жонглировал цветными шариками. Нет, не просто жонглировал… Его правая кисть будто выстреливала в воздух красные, синие, зеленые мячики размером не больше вишни. Открытая кисть разворачивалась нарочито медленно, демонстрируя, что в ладони ничего нет. Потом пальцы смыкались, кисть делала резкий взмах – и вверх взмывал очередной шарик. Левая рука подхватывала падающие шарики, комкала, прятала в кулак, обрывала радугу и тут же раскрывалась – пустая.

Мячики брались ниоткуда и исчезали в никуда. Их становилось все больше – будто Егор не успевал вынуть из воздуха все, что подбрасывал. Цветная парабола становилась все ярче, плотнее, превращалась в сверкающий переливчатый жгут. В глазах рябило. Движения пальцев ускорились настолько, что уже вышли за пределы доступного самому ловкому престидижитатору. Зрители затаили дыхание. Уличный шум подкатывался к замершей кольцом толпе – и стихал, будто рокот далекого моря. Цветной шнур бился в руках Егора.

Напряжение нарастало. Девушка прекратила сбор денег – на нее все равно уже никто не смотрел, развернулась к Егору – и уставилась на него влюбленными восторженными глазами.

Егор резко рванул руками – и в его руках оказалась трепещущая разноцветная лента.

Зрители зааплодировали, будто очнувшись ото сна.

Мне вспомнился старый-престарый анекдот о фокуснике, который пришел наниматься в цирк: «Я выхожу на сцену и жонглирую разноцветными рыбками, представляете? А потом они взлетают к самому куполу – и исчезают. Вот только как это сделать, я еще не придумал…»

Бедный глупый фокусник. Чтобы это сделать, надо быть Иным. Пусть даже неинициированным.

На самом деле даже без инициации, без первого входа в сумрак, Иной способен куда на большее, чем простой человек. А с Егором все еще сложнее. В детстве он входил в сумрак. Он даже прорвался на второй слой – пускай и на подпитке чужой Силой, его собственные способности минимальны.

Но окончательной инициации он избежал. И остался тем, кем он есть, – неопределившимся Иным, не умеющим сознательно контролировать свои способности, не обратившимся ни к Свету, ни к Тьме. Его Книгу Судьбы переписали, вернули к исходному состоянию, дали возможность снова выбирать – но он отказался от выбора.

И решил, что он обычный человек.

Егор ведь и сам не понимает, как делает свой номер. Он уверен, что очень ловко жонглирует шариками, незаметно перекидывая их из руки в руку, прежде чем вновь запустить вверх. А потом очень ловко подменяет шарики какой-то специальной лентой, видимо утяжеленной в нескольких местах для удобства.

На самом деле такой фокус невозможен.

Но Егор уверен, что делает номер без всякой магии. Как обычный ловкий человек.

Зрители рукоплескали. На лицах был живой, неподдельный восторг, какой в цирке случается видеть разве что у детей. Мир для них на мгновение стал волшебным и удивительным.

Они не знают, что он такой и есть – наш мир…

Егор раскланялся и быстро пошел по кругу – не собирая деньги, хотя ему и протягивали купюры, а просто вглядываясь в лица зрителей.

Он же подпитывается! Не понимая того – подпитывается эмоциями зрителей!

Я начал торопливо выбираться из толпы. Но сзади подпирали зрители, у ног подпрыгивали дети, в ухо жарко дышала полуголая девица с проколотыми пирсингом губами. Я не успел – Егор меня заметил. И остановился.

Мне ничего не оставалось, кроме как развести руками.

Егор секунду помедлил, потом что-то шепнул идущей следом девушке с подносом. И ввинтился в толпу. Люди расступались, но при этом одобрительно похлопывали его по плечам, что-то восхищенно говорили на разных языках.

– Извини, я здесь случайно, – виновато сказал я. – Никак не ожидал тебя увидеть.

Он секунду смотрел на меня, потом кивнул:

– Верю.

Ну да, он же сейчас на пике Силы. Интуитивно чувствует ложь.

– Пойду, – сказал я. – Ты здорово выступал, я засмотрелся.

– Погоди, мне надо горло промочить. – Егор двинулся рядом. – С меня семь потов сошло…

Какой-то любопытный мальчишка требовательно схватил его за рукав. Егор вежливо остановился, расстегнул манжеты рубашки, продемонстрировал, что там ничего нет. Потом достал из воздуха легкий серебристый шарик и вручил недоверчивому зрителю. Пацан взвизгнул от восторга и бросился к стоящим неподалеку родителям.

– Очень здорово, – похвалил я. – Ты в Москве выступаешь? Я бы дочку сводил в цирк.

– В Москве – нет. – Егор поморщился. – Знаешь, как у нас в цирке трудно молодежи пробиться?

– Догадываюсь.

– Если ты не из цирковой семьи, если не прыгал с пяти лет по манежу и связями не обзавелся… А если предлагают выступать за рубежом… – Егор поморщился. – Ну их! Я в следующем году буду выступать во французском цирке, сейчас договариваюсь о контракте, пусть потом локти кусают…

Мы присели за открытый столик у ближайшего кафе. Егор заказал стакан сока, я – двойной эспрессо. Меня опять клонило в сон.

– Так ты из-за меня здесь или нет? – резко спросил Егор.

– Да я и не предполагал, что ты летишь в Эдинбург! У меня командировка совсем по другому делу!

Егор подозрительно смотрел на меня. Потом вздохнул и расслабился:

– Тогда извини. Я в самолете чего-то вспылил. Не люблю я твою контору… не за что мне ее любить.

– Все нормально. – Я протестующе выставил вперед ладони. – Никаких обид. Нашу контору любить не надо, она этого не заслуживает.

– Угу. – Егор задумчиво смотрел в стакан с апельсиновым соком. – Как там у вас? По-прежнему Гесер, да?

– Конечно. Был, есть и будет.

– А как Тигренок с Медведем? – Егор улыбнулся, будто вспомнив что-то хорошее. – Они поженились?

– Тигренок погибла, Егор[3]. – Я даже вздрогнул, сообразив, что он про это не знает. – У нас была очень нехорошая история… всем досталось.

– Погибла, – задумчиво сказал Егор. – Жалко. Она мне очень нравилась. Она такая сильная была, оборотень…

– Маг-перевертыш, – поправил я. – Да, сильная, но очень эмоциональная. Кинулась на Зеркало.

– На зеркало?

– Ну… это такой тип мага. Очень необычный. Иногда, если какой-то Дозор начинает побеждать, другому на помощь приходит маг-Зеркало. Говорят, что его порождает сам сумрак, но точно никто не знает. Зеркального мага нельзя победить в обычном бою, он принимает Силу противника и отражает любой удар. Нам тогда досталось… и Тигренок погибла.

– А Зеркало? Вы его убили?

– Виталий Рогоза, так его звали… Он развоплотился. Сам собой, это их судьба. Зеркалом становится слабый неопределившийся маг, который теряет память, приезжает в то место, где одна Сила получает резкое преимущество над другой, и встает на сторону проигрывающего. А потом Зеркало исчезает, растворяется в сумраке.

Я говорил уже совершенно автоматически. Думая о другом.

В груди рос болезненный холодный ком.

Значит, слабый неопределившийся маг?

– Туда ему и дорога, – мстительно сказал Егор. – Жаль Тигренка… Я ее вспоминал часто. Еще тебя иногда.

– Правда? – спросил я. – Надеюсь, не злился?

Честно говоря, мне было сейчас все равно, кого и как вспоминал Егор.

Слабый неопределившийся маг.

Приезжает в то место, где…

---

[3] Эта история описана во второй части книги «Дневной Дозор». –*Примеч. авт.*

Растворяется в сумраке…

– Злился немного, – признался Егор. – Но не сильно. Ты в общем-то не виноват. У тебя работа такая… гнусная. Но я обижался, конечно. Мне даже приснилось однажды, что ты на самом деле – мой отец. И что я назло тебе становлюсь Темным магом и работаю в Дневном Дозоре[4].

Но ведь он же не потерял память! Нельзя так однозначно проводить параллели между Рогозой и Егором.

– Смешной сон, – сказал я. – Говорят, некоторые сны – это другие реальности, прорывающиеся в наше сознание. Может быть, где-то когда-то так и было. Зря, конечно, к Темным пошел…

Егор помолчал, потом фыркнул:

– Нет уж. Чума на оба ваших дома. Не люблю Темных, не люблю Светлых. А ты заходи, Антон! Я тут рядом остановился. В «Апекс-Сити». С нашими познакомлю, вот такие ребята!

Он положил на стол несколько монеток и встал.

– Пойду работать. Мой номер – гвоздь программы, без меня ребята мало что заработают.

К соку он едва притронулся.

– Егор! – окликнул я его. – А ты как в Эдинбург приехал? Сам по себе?

Юноша с удивлением посмотрел на меня.

– Нет, не сам. Фирма пригласила, «Scottish colours». «Шотландский колорит». Ну, мы ее зовем «Скотские краски». Тебе-то зачем?

– Думал помочь, если что, – без колебаний соврал я. – Найти антрепренера.

– Спасибо, – сказал Егор с такой теплотой в голосе, что я готов был провалиться сквозь землю от стыда. – Не надо, но все равно спасибо, Антон.

Я сидел, глядя в осадок на дне чашки. Мне все еще мало совпадений? Погадаем по кофейной гуще?

– Скотские краски, – пробормотал я.

В груди было так холодно, что больше уже не болело.

Глава 4

Нет ничего более нелепого, чем, приехав в незнакомый город, сидеть в гостиничном номере. Ладно бы – в раскаленное пекло испанской сиесты. Ладно бы – новобрачным в свадебном путешествии, когда размер кровати волнует куда больше вида за окном…

Впрочем, Валерия попала в безвыходное положение. Покинуть город ей не разрешала полиция. А выходить – в веселящуюся толпу, в круговерть туристов – ей было совсем невмоготу.

Дверь она открыла сразу, будто ждала у порога. Хотя, конечно, никто ее предупредить не мог – мимо портье я прошел в Круге Невнимания.

На девушке были только шорты и лифчик. Да… жарковато, конечно. Кондиционеров здесь нет даже в хороших отелях, не тот климат. Жарковато – особенно когда выпьешь.

– Да? – с пьяным вызовом произнесла Лера.

Черные волосы уложены в каре, симпатичная, худенькая, довольно высокая.

Одной рукой она держалась за приоткрытую дверь в ванную комнату. Мой визит застал ее на пути в туалет.

– Здравствуйте, Лера, – вежливо произнес я. Вид у меня был не слишком представительный, шорты да футболка, но я все-таки избрал тон «представитель органов». – Вы позволите войти?

---

[4] Эта история рассказана в кинофильмах «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор». *–Примеч. авт.*

– Почему нет? – удивилась Лера. – Про… – она икнула, – проходите. Только я… сейчас.

Она скрылась в дверях ванной, не потрудившись даже запереть за собой дверь. Покачав головой, я прошел мимо разобранной постели, сел в кресло у окна. Номер небольшой, по-казенному уютный. На журнальном столике обнаружилась бутылка виски «Гленливет» – больше чем наполовину опустошенная. Посмотрев на дверь ванной, я послал в сторону Леры несложное заклинание.

Из ванной комнаты послышались кашляющие звуки.

– Вам помочь, Лера? – наливая себе на два пальца виски, спросил я.

Лера не отвечала. Ее тошнило.

В мини-баре нашлась холодная минералка. Я сполоснул стакан Леры – от него пахло вискарем. Налил туда чуть-чуть воды и выплеснул прямо на ковер. Налил еще воды.

– Извините… – Из ванной комнаты девушка вышла полусогнутая, но ощутимо более живая. – Я… извините.

– Выпейте воды, Лера. – Я протянул ей стакан.

Симпатичная девчонка. Молодая совсем. И с очень несчастными глазами.

– Вы кто? – Она жадно осушила стакан. – Блин… затылок раскалывается.

Усевшись в свободное кресло, она тяжело обхватила голову руками.

Да, так у нас разговора не выйдет…

– Помочь?

– У вас найдется аспирин? Что-нибудь от головы…

– Древний китайский массаж, – сказал я, вставая и подходя к ней сзади. – Сейчас боль пройдет.

– Ой, да не верю я в массаж, мужики все втирают, будто массажем владеют, лишь бы полапать… – начала Лера. И замолчала, едва прикосновение моих рук стало убирать боль.

Конечно, массажем я не владею. Зато могу замаскировать под него лечебную магию.

– Как хорошо… вы волшебник… – пробормотала Лера.

– Волшебник, – согласился я. – Дипломированный Светлый маг.

Так… снять спазм сосудов… вывести алкоголь из крови… куда бы его… ладно, пропустим через почки… нейтрализовать метаболиты… серотонин и адреналин к норме… кислотный баланс крови… ладно, заодно и в желудке уменьшим выработку соляной кислоты…

Конечно, мне далеко до Светланы. Она все это проделала бы одним прикосновением. Я честно пыхтел минуты три – Сила есть, а мастерства не хватает.

– Таких чудес не бывает, – нервно сказала Валерия. Повернулась, посмотрела на меня.

– Бывает-бывает, – сказал я. – Вам сейчас захочется в туалет. Не смущайтесь и не терпите, писать будете каждые четверть часа. Пока не выведете из организма всю гадость… Стоп. Подождите немного…

Я всмотрелся внимательнее. Да, и впрямь…

– Больше не пейте, – велел я. – Совсем.

И прошел в ванную – вымыть руки. Бегущая вода унесла из пальцев усталость и слепок искаженной страданием ауры. Можно было почиститься и Силой, но народные средства – они самые надежные.

– Что это вы мне указываете? – мрачно сказала Лера, когда я вернулся. – Спасибо, массаж у вас хороший… я сейчас!

Я дождался, пока она вернулась из туалета, явно ошарашенная быстротой и результативностью начавшегося очищения организма. И когда она уже села, пояснил:

– Вы беременны. Не стоит вам сейчас пить.

– У меня месячные завтра должны начаться, – выпалила Лера так яростно, что я понял – она чувствовала. Женской интуицией, без всякой задержки, поняла, что беременна. Поняла, отвергла саму мысль – и ушла в запой.

– Не начнутся.

Она не спорила. Даже не интересовалась, как я это узнал. Наверное, списала на чудеса восточной медицины. Спросила:

– Зачем мне ребенок без мужа?

– Это вы сами должны решить, – сказал я. – Я не собираюсь вас в чем-то убеждать.

– Кто вы? – спросила Лера наконец-то.

– Городецкий. Антон Городецкий. Я из Москвы. Мне… мне поручено выяснить обстоятельства гибели Виктора.

Лера вздохнула. Горько произнесла:

– Тряхнул Витькин папа связями… А смысл… теперь-то…

– Узнать правду.

– Правду… – Девушка налила себе воды, осушила стакан. Ее организм сейчас в бешеном темпе гонял кровь через почки, убирая алкоголь и продукты обмена. – Виктора убил вампир.

– Вампиров нет, Лера.

– Знаю. Но если парень говорит: «Кто-то пьет мою кровь», а потом его находят с прокушенной шеей и обескровленного?

В ее голосе зазвенели тонкие истерические нотки.

– Канаву, по которой плыла лодка, проверили, – сказал я. – Там кровь. Много крови. Успокойтесь, Лера. Никаких вампиров не существует. Кто-то убил вашего друга. Он истек кровью. Это страшно, это жестоко, но вампиров не существует.

Она с минуту молчала. Потом спросила:

– Почему полиция мне этого не сказала?

– У них свои резоны. Они боятся утечки информации. Возможно, даже подозревают в чем-то вас.

Это ее ничуть не испугало, скорее – разозлило.

– Сволочи. Я уснуть не могу, виски накачиваюсь к вечеру, вчера чуть не затащила в постель какого-то парня… Мне страшно одной, понимаете? Страшно. А они молчат… Извините, я на минуту.

Я дождался, пока она вернулась из туалета. Сказал:

– Наверное, я немного переусердствовал с массажем. Но я не профессионал, так… нахватался приемов.

– Чему только вас не учат, – сказала Лера, и я понял, что в моей работе на КГБ она не сомневается точно так же, как молодой француз из «Подземелий». Все мы дети массовой культуры. Все мы верим в ее штампы. Даже документов не требуется, если ты ведешь себя будто секретный агент в боевике.

– Лера, я попрошу вас напрячься и вспомнить все обстоятельства гибели Виктора, – сказал я. – Понимаю, вы все рассказывали уже много раз. Но все-таки постарайтесь.

– Мы сели в эту дурацкую лодку, – начала Лера. – Я еще чуть не упала, там очень неудобно спускаться, дно глубоко, и в темноте этого не видно.

– Расскажите все с самого начала. Вот как встали утром – с этого момента и рассказывайте. И подробно.

В глазах Леры появился хулиганский огонек.

– Ну… мы проснулись в десять, на завтрак уже опоздали. Поэтому занялись сексом. Потом пошли в душ. Ну а в душе расшалились…

Я с доброжелательной улыбкой кивал, выслушивая ее рассказ – действительно подробный. И когда девушка разрыдалась, молча ждал несколько минут. Слезы стихли, Лера тряхнула головой. Посмотрела мне в глаза:

– Мы зашли в паб… «Дуб и ленточка»… поели. Выпили по кружке пива. Было жарко, а тут мы увидели вывеску этого проклятого аттракциона. Виктор решил, что это интересно. Ну… в любом случае там будет прохладно. И мы туда пошли.

Ничего. Никаких зацепок. Я понимал, что и до меня Леру расспрашивали профессионалы, выматывали, заставляли вспоминать, по десять раз переспрашивали и задавали вопросы. Что она может вспомнить неожиданного?

Она начала снова описывать лодку, неудобный спуск в нее, когда я поднял руку.

– Стоп, Лера. А вот зеркальный лабиринт… вы сказали, что это было самым интересным. Там тоже ничего любопытного не произошло?

Не знаю, почему я это спросил. Может быть, потому что думал о Егоре. Может быть, вновь вспомнив старую и лживую байку о вампирах, которые не отражаются в зеркалах.

– В зеркальном зале… – Лера нахмурилась. – А! Было. Витя начал кому-то махать рукой. Вроде как увидел знакомого. Потом сказал, что ему почудилось.

– А вы, Лера? Увидели кого-нибудь знакомого?

Она покачала головой:

– Нет. Там же все вокруг зеркальное. В лицах, в людях на самом деле теряешься. И это раздражает немного… я старалась не всматриваться.

– Хотя бы предположить… кого он увидел?

– Это может быть важно? – серьезно спросила Лера.

– Да, – ответил я без колебаний.

Это было очень важно. Это был отчетливый след. Если в «Подземельях» присутствовал вампир, отводящий окружающим глаза, в зеркальной комнате его можно было увидеть. И Виктор мало того что увидел – узнал.

Что было опасного в этом узнавании? Ну, зашел человек в «Подземелья», что с того? Почему вампир запаниковал и убил не заподозрившего дурного студента?

Не знаю. Пока не знаю.

– Думаю, Виктору показалось, что он увидел своего знакомого… и не местного, – сказала Лера, подумав. – Потому что он удивился довольно сильно. Если бы заметил кого-то из университета, то помахал бы ему, крикнул бы «привет». А тут он махал рукой, но не звал. Знаете, так бывает, когда не уверен до конца, знакомого ты встретил или обознался. И потом, когда он никого не нашел, то как-то даже растерялся. И сказал, что это все ерунда. Ну… как бы убедил себя, что этого не может быть. Антон, Витя увидел убийцу?

– Боюсь, что да. – Я кивнул. – Возможно, поэтому его и убили. Спасибо. Вы очень помогли.

– Мне рассказать это полиции? – спросила Лера.

Я подумал и пожал плечами:

– Почему бы и нет? Если можно, не упоминайте про мой визит, хорошо? А вот то, что вспомнили, можно и рассказать.

– Вы мне расскажете, если найдете убийцу?

– Обязательно.

– Врете. – Лера покачала головой. – Врете вы… ничего не расскажете.

– Я пришлю вам открытку, – сказал я, помолчав. – С видом Эдинбурга. Если вы получите открытку, значит, Виктор отомщен.

Она кивнула. И ее вопрос застал меня уже у дверей:

– Антон, если я… что мне делать с ребенком?

– Это решать вам. Поймите, что никто никогда ничего не решит за вас. Ни президент, ни начальник, ни добрый волшебник.

– Мне девятнадцать, – тихо сказала Лера. – Я Витьку любила. Но его уже нет. В двадцать лет с ребенком и без мужа…

– Решать вам. Но вы все равно не пейте, – попросил я.

И закрыл за собой дверь.

Наступил вечер, а позади уже была бессонная ночь, поделенная между аэропортами и самолетами. Я опять выпил кофе, с сожалением поглядывая на пивные краны: мне сейчас хватит пинты, чтобы совсем осоловеть. Позвонив Гесеру, коротко пересказал все, что узнал за день.

– Искать вампира среди московского окружения Виктора, – задумчиво произнес Гесер. – Спасибо, Антон, но его московские контакты уже проверяли… Хорошо, поищем тщательнее. Будем копать, начиная с детского сада. Что собираешься делать?

– Пойду отсыпаться, – сказал я.

– Какие-то предварительные выводы?

– Тут что-то затевается, Гесер. Не знаю, что именно, но что-то крупное.

– Тебе нужна помощь?

Я хотел было отказаться – и вспомнил Семена.

– Борис Игнатьевич, если Семен не слишком занят…

– Соскучился по Шотландии? – хмыкнул Гесер. – Хорошо, я пришлю. Если не будет копаться – утром встретитесь. Отдыхай.

Про Егора я ничего говорить не стал. Спрятал мобильник, мельком глянув на индикатор зарядки. Ну надо же, батарея совсем полная. В Москве у меня телефон садится за сутки, хоть и не слишком много говорю. За рубежом – неделю спокойно работает. Вышки чаще натыканы, что ли?

Теперь еще одно дело. Неприятное.

Я достал фигурку волка, водрузил на стол.

Связь, совет, защита?

Сжав фигурку в руках, я прикрыл глаза. Мысленно позвал: «Завулон!»

Тишина. Никакого отклика. Может быть, не так работает?

«Завулон!»

Мне показалось, или я почувствовал на себе чей-то взгляд?

Как мне помнится, Завулон никогда не откликался сразу. Даже когда его звала любовница.

«Завулон!»

«Чего орешь, Городецкий?»

Я открыл глаза. Рядом никого не было, конечно.

«Мне нужен совет, Темный».

«Спрашивай».

Хорошо, что в таком разговоре почти не передаются эмоции. Завулон наверняка ухмыляется. Светлый обратился за помощью!

«Завулон, когда к вам пришел зеркальный маг – вы его звали?»

Он явно не ждал такого вопроса.

«Зеркало? Виталий Рогоза?»

«Да».

Пауза. Нет, он знает, что ответить. Он решает, сказать правду или соврать.

«Зеркало нельзя призвать, Светлый. Их порождает сумрак».

«Тогда что должно произойти, чтобы появился зеркальный маг?»

«Значительный перевес одной Силы над другой. И при этом – перевес резкий, полученный слишком быстро. Зеркало пришло, потому что Гесер слишком быстро поднимал уровень Светланы, вновь ввел в противостояние Ольгу и… и переписал судьбу твоей будущей дочери, сделав ее Величайшей из Великих».

«Можно предвидеть, кто станет следующим зеркальным магом?»

«Можно. Это Иной, чья изначальная Сила минимальна. Он не должен быть инициирован. Он должен питать нелюбовь как к Свету, так и к Тьме. Или, наоборот, любить и Свет, и Тьму. И человек, и Иной, стоящий на распутье, не делающий разницы между силами Света и Тьмы. Такие встречаются, пускай и редко. В Москве их двое – отец Виктора и… твой маленький друг Егор. Впрочем, он уже вырос, верно?»

«Почему же Рогоза приехал с Украины?»

«Да потому, что не мы решаем, кто станет Зеркалом. У меня были надежды на его приход, но заранее никто ничего не знает. Зеркальный маг может прийти – может не прийти. Он может появиться сразу, а может добираться к месту, где нарушилось равновесие, дни и даже месяцы. Я удовлетворил твое любопытство?»

«Да».

«Тогда я жду ответной любезности. Кто убил Виктора? И при чем тут зеркальные маги?»

«Вас не порадует информация, Завулон. Я полагаю, что Виктора убили с целью дискредитировать шотландский Ночной Дозор. Аттракцион принадлежит им. А что касается Зеркала… боюсь, что ситуация здесь может дестабилизироваться. Настолько, что придет зеркальный маг. В Эдинбурге есть кандидаты на эту роль?»

Он поверил. Кажется, поверил. Ответил задумчиво:

«Не знаю. Никогда не интересовался».

«Тогда пока все. Если выясните – проинформируйте, будьте добры».

Я не стал дожидаться ответного смешка – разжал ладонь и прервал связь. Фигурка блестела от пота и от этого казалась почти живой.

Все, пора в гостиницу. В уютный номер-люкс для Светлых, в царство бело-розо-бежевого, к кружевным занавескам и шелковому белью.

Призывно затренькал телефон.

– Да? – Я прижал телефон к уху, поймал взгляд официанта и поводил пальцем по открытой ладони – будто выписываю чек. Официант вымученно улыбнулся, глянув на единственную чашечку передо мной, и черканул на бумажке «2 £».

– Энтони, друг мой, – произнес Лермонт. И это «Энтони» сразу же сказало мне – рядом есть кто-то, кому не стоит знать, что я русский. – Когда ты покидал «Подземелья», как себя чувствовал мой сотрудник?

– Нормально.

– Он убит, Энтони. Ты не мог бы приехать?

Я прошипел что-то нецензурное, выгребая из кармана мелочь. Так… замок там, а овраг и мост там…

– Если сразу поймаю такси, то буду через пять минут.

– Поторопись, – велел Лермонт.

Свободное такси нашлось сразу – не пришлось прибегать к магии, чтобы освобождать занятую машину. В Эдинбурге вообще было на редкость хорошо с такси. Я сел, достал сигарету и закурил. Водитель посмотрел с легким неодобрением – но ничего не сказал. Я до конца опустил стекло со своей стороны. Действительно, сядут после меня некурящие…

Но мне хотелось курить.

Идиот. Какой я идиот! Встревожился за Егора, позаботился о Валерии… А вот подумать головой, для этого и предназначенной, – не удосужился. Мой визит в «Подземелья» был замечен, кого-то насторожил. И бедолага Жан, нервный французский студент, уже никогда не вернется в свой Нант…

Моя вина.

Но Лермонт-то – сам хорош! Аттракцион прикрыл и отрядил дежурить одного человека. Не Иного, не боевого мага, способного схватиться с вампиром на равных, – а перепуганного пацана в гриме и карнавальном наряде.

Я представил себе рыжего парня с бледным, но теперь уже не от грима, а от потери крови лицом, лежащего среди жутковатых пыточных орудий. «Одному тут неуютно». И начал отчаянно, хоть и вполголоса, материться.

Дурак я, дурак…

Лермонт ждал меня у входа в «Подземелья». Был он мрачен и зол так, как только может быть зол Светлый.

– Пошли. – Он не оглядываясь затопал впереди. Мы быстро прошли череду пустых комнат и вышли к «Кровавой реке». Опять здесь?

Но Фома молча полез в лодку. Я – за ним. Фома взмахнул рукой, заскрежетал механизм, и лодка двинулась вперед.

– Вы еще не вызвали полицию? – спросил я.

– Пока нет. Только своих… и наблюдателя от Темных.

– Где они?

– Я попросил их подождать несколькими комнатами дальше. Сказал, что хочу пригласить для осмотра трупа независимого эксперта. Обычного человека. Нечего тебе пока светиться…

Лодка проползла короткий затемненный участок и пришвартовалась ко второму причалу.

– Вот, – мрачно сказал Фома.

Я выбрался из лодки и вслед за Фомой прошел в соседнюю комнату. Тут размещалась экспозиция орудий казни. С потолка свисал манекен в петле, а вот на гильотине… на гильотине был не манекен. Убийца опять продемонстрировал свое чувство юмора.

Отрубить человеку голову тупым бутафорским ножом макета гильотины – для этого надо обладать нечеловеческой силой. К примеру – быть вампиром.

Белое пластиковое ведро под гильотиной было наполовину заполнено кровью. Отсеченная голова лежала рядом.

Я сел на корточки, осторожно взял голову в руки. И мне захотелось закричать – от бессилия и осознания своей глупости.

– Знать бы, какая сволочь… – сказал Фома. – Человек у меня работал семнадцать лет…

– Сволочь – молодой рыжеволосый парень, – сказал я. – Представляется французом, говорит с легким акцентом. На вид – лет двадцать. Имеет склонность к театральным эффектам. Очень находчив. Замечательный актер.

Я бережно положил отрубленную голову на пол. Посмотрел на ошарашенного Лермонта и пояснил:

– Меня провели как ребенка. Я разговаривал с убийцей, находясь в двух шагах от трупа. И ничего не заподозрил. Ничего!

Голова убитого сторожа – черноволосая, с редкой сединой, как и положено человеку в возрасте после пятидесяти, – слепо смотрела на нас с пола.

– Замаскировать свою природу можно лишь от слабейшего. – Лермонт буравил меня недоверчивым взглядом. – Это аксиома. Попробуй определить мою ауру.

Странный разговор над телом человека с отрубленной головой. Странное место, странные преступления, странные разговоры…

Аура Лермонта – полыхающие желто-зеленые разряды, колючий ежик Силы, – потускнела. Иглы разрядов втянулись, померкли. Несколько секунд – и Лермонта окружала гладенькая многослойная аура, характерная для человека.

Четкий признак Иного – рваная, незакрытая аура. Она может топорщиться иглами и шипами, втягиваться воронками, зиять прорехами. Все это признаки открытого энергетического контура, способности не только отдавать энергию, как люди, но и принимать ее. Принимать, перерабатывать – и творить чудеса.

Человеческая аура гладкая, многослойная, цельная. Люди только отдают Силу, не принимают. И ровная пленка ауры – их попытка защититься, прекратить медленный и неумолимый отток жизни.

Да, теперь Лермонт выглядел человеком.

Почти человеком…

Я всмотрелся чуть пристальнее – и увидел бледные иглы ауры. Фома замаскировался очень хорошо. Но я пробил защиту.

– Вижу, – сказал я. – Но в того парня я так пристально не всматривался. Он мог прикрыться.

– Значит, твой рыжий собеседник – Высший вампир. Или Высший маг, притворяющийся вампиром. – Фома удовлетворенно кивнул. – Причем он не мог наложить на себя маску, одновременно маскируя свою ауру. Уже хорошо, Антон. Уже хорошо! Мы знаем его физический облик: молодой, рыжеволосый… не так уж и много в мире Высших Иных.

– Плащ он, вероятно, взял где-то здесь, – сказал я. – И накладные клыки. Услышал, что я приближаюсь, и вместо бегства спокойно вышел мне навстречу… мгновенно сочинив правдоподобную легенду.

– Я даже догадываюсь, зачем ему понадобился плащ, – мрачно сказал Фома, глядя на забрызганный кровью пол. – Он не мог не измазаться… Дай мне его образ, Антон.

Прикрыв глаза, я попытался как можно лучше вспомнить француза. Потом мысленно бросил картинку Лермонту.

– Ага, – сказал шотландец. – Прекрасно. Я проверю по нашим картотекам.

– Возможно, стоит сообщить Инквизиции? – спросил я.

Лермонт покачал головой:

– Нет. Пока не надо. События не выходят за рамки обычного преступления одиночного Темного. Дневной Дозор Эдинбурга протестов не заявляет. Обойдемся без Инквизиторов, Антон. Пока можем.

Я не спорил. Небольшое это удовольствие – звать Инквизиторов на помощь.

– Моя помощь еще требуется?

– Нет. Иди отсыпайся, – велел Лермонт. – Полицию мы уведомлять не станем, это уже полностью наше расследование. Мои ребята попробуют поискать следы, а я займусь проверкой Высших.

Он с кряхтеньем склонился над отрубленной головой, будто надеялся увидеть какие-то улики, оставленные неосторожным преступником. Брюшко Лермонту надо бы сгонять…

– Фома, – негромко позвал я. – Фома, что находится в «Подземельях Шотландии»?

– А? – Он даже не обернулся.

– Что тут ищут Темные?

– Это аттракцион, господин Городецкий, – сухо сказал Фома. – Аттракцион, и более ничего.

– Ну-ну, – сказал я, прежде чем уйти.

Никакой необходимости возвращаться для убийцы не было. Если бы он оставил улики, их бы уже нашли – и обычные, и магические.

Но он вернулся и снова убил. Чтобы еще больше позлить Ночной Дозор? Ерунда. Чтобы подставить под удар Лермонта? Тем более чушь.

Значит, в первый раз он не смог, не успел чего-то сделать. И был вынужден прийти снова.

Что может прятать Лермонт? Место не такое уж и простое. Тут, к примеру, не растет синий мох. А это уже изрядная аномалия. Структура сумрака неоднородна. Есть, к примеру, места, где в него войти труднее, а есть и такие, где проще. Слыхал я и про зоны, где вход в сумрак вообще невозможен. Но синий мох – паразит повсеместный…

Отойдя от моста метров на сто, я посмотрел сквозь сумрак.

Ага.

Там, где я стоял, мох рос вволю. У пабов и кафе – целыми гирляндами. У жилых домов больше, у офисов и магазинов – меньше. На перекрестках, где водители нервничают, мха тоже больше.

Обычное дело.

А по направлению к мосту, ко входу в «Подземелья», синего мха становилось все больше и больше! Его туда тянуло, и неудивительно. Мха все больше, больше… и вдруг метров за десять от дверей он начинает засыхать, будто наткнувшись на невидимую границу.

Странно. Если бы там был какой-то вредный для мха фактор, то его количество уменьшалось бы постепенно. Тут скорее дело в другом…

Я протянул руку к ближайшей колонии мха – пушистому синему пятну на асфальте. И приказал:

– Гори!

Сила потекла через меня, вот только я сдерживал ее напор. И мох не сгорел сразу. Вспучился, разрастаясь и пытаясь переработать дармовую энергию. Но Сила нарастала, и мох не справлялся. Начал сереть, сохнуть… и наконец загорелся.

Вот теперь я видел. Когда знаешь, что именно искать, все становится предельно ясно.

Рассеянная в пространстве Сила, излучаемая людьми жизненная энергия, уходила в сумрак неравномерно. Да, она непрерывно сочилась сквозь ткань мироздания: на первый слой, на второй, на третий… Но где-то в районе «Подземелий» зияла дыра – и туда хлестал непрерывный поток Силы. Будто в ткани, сквозь которую медленно течет, фильтруется вода, прорезали дырку…

Слишком много пищи для безмозглого паразита. Мох сползался к аттракциону, привлеченный и потоком Силы, и теми эмоциями, что порождали испугавшиеся посетители. Сползался – и засыхал.

Кажется, я понял, почему Фома Лермонт именно здесь открыл аттракцион. Стекающуюся в одно место энергию надо было замаскировать от рядовых Иных. А здесь избыток дармовой Силы списывали на подвыпивших туристов, на испуганных детишек, на бесконечный эдинбургский карнавал…

Не удивлюсь, если Фома приложил изрядно усилий к популяризации Эдинбурга с одной-единственной целью: чтобы замаскировать это место.

Ничего не поделаешь. Даже Светлые иногда играют втемную.

Я медленно двинулся вверх, по одной из улиц, ведущих к «Королевской миле». Улица не самая туристическая, темная, свет падает только из окон, все лавки на ней закрыты, но должна вывести прямо к гостинице. Спать хотелось ужасно. Может, все-таки такси поймать? Но тут хода – десять минут…

Свернув в проулок между домами, я оказался не то на маленькой площади, не то в большом дворе. Вышел к крошечному, метр от мостовой, монументу. На каменной чаше, откуда била маленькая струйка – то ли все-таки уличный фонтан-недомерок, то ли питьевой фонтанчик, – сидел бронзовый попугай. Ниже виднелась табличка. Подсветив зажигалкой, я узнал, что этот фонтанчик был установлен жителем города в память о любимом попугае, скончавшемся в преклонном возрасте от пневмонии…

Что-то щелкнуло за спиной, и меня сильно толкнуло в плечо. Так сильно, что я сделал несколько шагов, чтобы не упасть лицом в чашу с водой.

По спине побежала горячая струйка.

Это… это что такое?

Щелкнуло снова. Звонко отрикошетило от бронзовой птицы. Чтобы окончательно убедить меня, что я едва не погиб у памятника попугаю, горячая пуля с шипением упала в чашу фонтана.

Да по мне же стреляют!

По мне, Иному!

Высшему магу!

Способному мановением руки рушить дворцы и возводить города!

Ну ладно, про города приврал… ломать всегда проще, чем строить.

Скорчившись за фонтаном, я всматривался в тьму. Никого. Так… а сквозь сумрак?

Результат меня ошарашил.

Стреляли явно из переулка, соседнего с тем, по которому я вышел на площадь. Но я никого не видел! Ни Иного, ни человека!

Хорошо хоть ранение было легким. Пуля прошла сквозь мягкие ткани навылет. Кровь я остановил рефлекторно, в первую же секунду. Сейчас вспомню парочку хороших лечебных заклинаний, чтобы зарастить пробитые мышцы…

Еще один выстрел – пуля прошла над макушкой, мне даже волосы взъерошило горячей волной. Судя по тихому звуку – оружие с глушителем. Судя по тому, что меня еще не убили, – стреляют либо из пистолета, и стреляют хорошо, либо из снайперской винтовки – и тогда из рук вон плохо.

Но почему я не вижу стрелка?

Взмахнув рукой, я накрыл весь переулок пятиминутным Морфеем. А потом, поколебавшись секунду, прошелся и по окнам, и по крыше здания, и по соседним переулкам. Людям кратковременный сон не повредит. Морфей – заклинание мягкое, у человека есть секунд пять, прежде чем его сморит окончательно, стоящие успеют присесть, матери, держащие младенцев, – опустить их, водители – сбросить скорость. Жертв не будет. Скорее всего.

Тишина.

Я попал?

Приподнявшись, я снова посмотрел сквозь сумрак. Ну же, ну… кто бы ты ни был, но если ты уснул – маскировка с тебя спадет…

Щелчок. Едва заметная вспышка в переулке. И в мое несчастное правое плечо вошла вторая пуля! В то же самое место!

Нет, можно тешить себя мыслью, что там и без того была рана. Но больно-то как! Почему так больно, там ведь уже дырка!

Я присел на корточки, так, чтобы фонтанчик прикрывал меня от стрелка. Теперь уже сомнений не было ничуть, палят действительно из переулка.

Что же мне делать? Палить в темноту файерболами, надеясь хоть так зацепить замаскировавшегося стрелка? Выжечь все вокруг Белым Маревом? Навесить на себя Щит Мага и выйти в открытый бой… но если я не вижу врага, то мне противостоит маг, превосходящий меня по Силе!

Или звать на помощь, звонить в полицию, призывать Гесера и Фому?

Стоп.

Можно и не Гесера с Фомой.

Что там говорил Завулон? Связь, совет, помощь?

Помощь бы мне не помешала.

Достав из кармана фигурку, я поставил ее на булыжную мостовую. Чуть-чуть коснулся Силой. И крикнул:

– Мне! Нужна! Помощь!

Все произошло в доли секунды. Воздух ударил в лицо так сильно, что в первый миг я подумал, будто неведомый стрелок перешел на гранаты. Но это трансформировалась фигурка – разбухала, размягчалась, превращаясь в черную мохнатую тень. Сверкнули в темноте белые зубы, блеснули желтые волчьи глаза – и оборотень прыжком перемахнул через фонтан. Тут же прыгнул вправо. Щелкнул выстрел, но явно впустую. Прыгая из стороны в сторону, так грамотно, как может бежать лишь существо, уже становившееся объектом ружейной охоты, зверь метнулся в переулок. Я услышал рычание, потом что-то загремело, металлически звякнуло. Щелчки выстрелов раздавались по-прежнему равномерно, с интервалом в секунду-две, но что-то подсказывало – пули уходят в молоко, стрелок уже не опасен.

Я вскочил, побежал вслед за волком, на всякий случай прикрыв себя Щитом. И наконец-то догадался сделать то, что не помешало бы с самого начала: создал свет. Простейшее заклинание, доступное любому Светлому магу. Призыв изначальной Силы – и надо мной закачался в воздухе яркий белый огонек.

И я сразу же увидел того, кто меня едва не убил. Того, кто не был виден в сумраке.

Ажурная металлическая тренога, напоминающая профессиональный штатив для видеокамеры. На треноге, на вращающемся диске, поблескивающий линзами цилиндр. На цилиндре, в пружинном амортизирующем зажиме, закреплена короткая винтовка с круглым, как на старом советском ППШ, барабаном и длинным рифленым глушителем на стволе. Кольчатый бронированный кабель подходит к спусковому крючку и кончается скобой на тросике, обхватывающей крючок.

Робот еще функционировал. Цилиндр с тихим жужжанием моторов подергивался, скоба нажимала на спуск – и задранная вверх винтовка палила в небо. Я наклонился, чувствуя, как стекает по плечу кровь. Прижал здоровой рукой цилиндр. Сбоку нашелся маленький лючок, на котором китайскими иероглифами была выгравирована надпись: «Стрелок И». Дальше шел номер: «285590607». Под иероглифами была несколькими линиями нарисована улыбающаяся круглолицая детская рожица.

Юмористы…

Я подцепил лючок ногтем, открыл и перекинул тумблер питания на «выключено».

«Стрелок И» тихонько заурчал сервомоторами и затих.

– Привет из Поднебесной, – сказал я и уселся рядом с роботом. Посмотрел на короткий прутик антенны, торчащий из цилиндра. Да, настоящий стрелок мог быть где угодно. Я воевал с роботом.

И мне очень повезло, что прицел был немного сбит.

– Это ж надо, – разглядывая робота, сказал я. – Нет, ну куда это годится? Теперь придумывать заклинания против техники?

Из темноты вышел волк. Сел напротив, стал зализывать лапу. Раны я не видел, наверное, оборотень обжегся о горячий ствол, когда сбил треножник на землю.

– Если бы у марсианских треножников были блохи, они выглядели бы так же, – сказал я волку. – Ты читал «Войну миров»?

Вначале мне казалось, что он не ответит. Да и не все оборотни способны говорить, перекинувшись в зверя. Но волк поднял на меня тяжелый взгляд и пролаял:

– Толь-ко ки-но.

– Ну, тогда ты меня понял, – сказал я. – Спасибо.

– Ра-ну за-ли-жи.

– Я тебе не перевертыш, раны зализывать… – Прижав ладонь к правому плечу, я сосредоточился. Меня мутило, в руке пульсировала боль. Неприятная это штука – огнестрельное ранение. Даже для мага. Вот Света – она бы меня исцелила за пару минут…

– Кому на хвост нас-ту-пил? – Теперь слова давались оборотню лучше. – Эй-фе-ле-вой баш-не?

Я даже не сразу понял, что он так шутит. Покачал головой:

– Да ты у нас, я гляжу, остроумен, как Петросян. Спасибо за помощь. Не пострадал?

– Лапа, – невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. – Афтомат жжот.

– Перекидывайся в человека, подлечу. – Я поднялся. Кровь у меня уже не текла. Набросив на выключенный треножник маскировочное заклятие (теперь каждый увидит вместо него что-то банальное, на свой вкус), я подхватил его под левую руку. Тяжелый. Сильно пахнет горячим металлом, кислой пороховой гарью и чем-то масляным. Но придется тащить, не оставлять же оружие посреди города.

– По-том, – уклончиво протявкал волк. – В бе-зо-пас-ном мес-те. Ты где жи-вешь?

– В гостинице. Тебе понравится, пошли. Только все время иди у моей ноги и постарайся выглядеть как хорошая собачка.

Волк зарычал, но тут же спрятал клыки. В общем-то зверюга не крупный, в темноте должен сойти за овчарку.

Честно говоря, я не рассчитывал, что на этом сегодняшние неприятности закончились. Но до гостиницы мы дошли благополучно. За стойкой скучал новый портье, однако вопросов не задавал, видимо, получил насчет меня указания и ориентировку. На оборотня он посмотрел с любопытством, но тоже смолчал. Я сам подошел к стойке и попросил:

– Ключ от темного люкса наверху.

Портье не спорил. Выдал ключ, но поинтересовался:

– А в одном номере вы не могли бы переночевать?

– У меня аллергия на шерсть, – ответил я.

Из ресторана доносились голоса, звон бокалов. Постояльцы отдыхали. Но у меня не было особого желания присоединяться к гулянке, где коктейль «Кровавая Мэри» являлся самым распространенным, а название его понималось буквально.

Глава 5

Вначале я отпер дверь для волка, потом уже свою.

Волк нырнул в темноту номера, развернулся и мордой захлопнул дверь. Тут же послышался влажный рвущийся звук – будто раздирали на части мокрый поролон. Оборотень начал перекидываться обратно в человека.

Я зашел в свой номер, включил свет и закрылся. Поставил в углу «Стрелка И», все еще попахивающего пороховым дымом. Стянул окровавленную футболку, выбросил в мусорное ведро. Посмотрелся в зеркало.

Красавец. Плечо в запекшейся крови, страшный багровый рубец там, где вошли пули.

Ну ничего. Главное было подлатать рану. Сейчас наложу Авиценну, и к утру никаких следов не останется. Что нам, волшебникам, пулевое ранение? Тьфу! Взять и растереть. Но шторы на окнах я все-таки закрыл, верхний свет выключил. Если я получу пулю в голову – никакая магия не спасет.

Стоя под душем, смывая с себя пот и кровь, да и просто нежась в теплых струях воды, я пытался совместить несовместимое.

«Подземелья Шотландии» – аномальная зона, через которую Сила изливается из нашего мира… куда? На нижние слои сумрака, очевидно. С этим ясно.

Студента Витю убил вампир. Почему? Потому что Виктор заметил его в зеркальном лабиринте и узнал. Вампиру было очень важно сохранить свое инкогнито. С этим тоже ясно.

Егора пригласили в Эдинбург как потенциального зеркального мага. Причем мага, который встанет на сторону Ночного Дозора, не будет же Фома работать себе во вред! Значит, Фома боится серьезной схватки, в которой Темные возьмут верх. Боится настолько, что страхуется

всеми возможными путями. И меня, похоже, Гесер отправил в Шотландию по его просьбе. Это тоже достаточно ясно.

А вот дальше все становится непонятным!

У Виктора высосали кровь – только вампир с его устроенным будто вакуумный насос горлом может опустошить человека за три-четыре минуты. Но вампир кровь тут же срыгнул в канаву. Зачем? Был сыт? Но вампир никогда не насыщается настолько, чтобы пренебречь еще одной порцией. Кровь – не столько пища, сколько энергия в единственно пригодной для вампира форме. Вампир может переработать выпитую кровь за четверть часа. Зачем выливать? Чтобы не подумали на вампира? Но люди и так в вампиров не верят, а Дозор все поймет по форме раны.

Зачем убили сторожа? Да еще с такой жестокостью? Он кому-то мешал в «Подземельях»? Но существует масса способов вывести человека из строя, не причиняя ему вреда. Тот же самый Морфей. Зов вампиров. В конце концов – дубинкой по башке, жестоко, но не смертельно! Непонятное, ненужное убийство…

И уж совсем все запутывается с роботом-стрелком! Порой и мы, и Темные пользуемся огнестрельным оружием. Особенно это характерно для молодых Иных – глубокая вера в тяжелые пистолеты, снаряженные серебряными пулями автоматы, мощные гранаты… Но притащить в мирный Эдинбург дистанционно управляемого робота-стрелка! Я даже не знал, что такие штуки вышли из уровня прототипов и поставлены в Китае на поток. Ничего сложного, конечно, – подвижная турель, телекамера и прибор ночного видения, зажим для любого ручного оружия и спусковое устройство. Тот, кто установил на моем пути устройство, таился где-то в отдалении, всматривался в экран радиопульта, крутил джойстик, давил на кнопку «огонь». Доступно и магу, и вампиру. И человеку, в конце концов.

Что происходит? Отчего такая агрессия по отношению ко мне? Напасть на Высшего Светлого, на сотрудника Ночного Дозора – это очень серьезный поступок. Тому, кто это сделал, нечего терять…

Вытеревшись насухо, я накинул белый шелковый халат и вышел из ванной. Так, надо чего-нибудь сжевать. Хотя бы шоколадку из мини-бара. И принять грамм сто виски. Или стакан вина. А потом можно упасть на шелковые простыни и уснуть: крепко, без сновидений.

Будто прочитав мои мысли, в дверь постучали. Я застонал, запахнул халат и пошел открывать.

На пороге стояла девочка-подросток. Ну или юная девушка – ей было лет пятнадцать, этот возраст уже можно трактовать по-разному. Девочка была босая, короткие черные волосы влажно блестели, из одежды на ней, похоже, был только халат из черно-красного шелка.

– Можно? – голосом примерной школьницы спросила девочка.

– Мне следовало сразу догадаться, – сказал я. – Заходи.

– И как вам следовало догадаться? – потупив глаза, спросила девочка. – Рассмотреть статуэтку получше?

– У меня с собой микроскопа не было. Но волк-самец обязательно обоссал бы оружие.

– Фу, какой вы грубый, а еще Светлый! – Девочка поморщилась. Прошла к креслу, села, закинув ногу на ногу. – Не обоссал, а пометил! А ничего, что я зашла? Я вас не скомпрометирую?

– К сожалению, нет, детка, не скомпрометируешь. – Я уже открывал мини-бар. – Ты что-нибудь будешь?

– Теплое молоко с медом.

Я кивнул:

– Хорошо, сейчас позвоню в ресторан.

– Здесь нет рум-сервиса.

– Для меня сделают исключение, – уверенно сказал я.

– Ладно, налейте вина. Красного.

Себе я налил виски со льдом. Потом, заметив пятидесятиграммовую бутылочку ликера «Драмбуи», вылил ее в виски. То, что мне нужно для крепкого сна, – изрядная порция «ржавого гвоздя». Если девочка отказывается от молока с медом, это не повод для меня отказаться от виски на меду…

– А кому вы так хвост прищемили? – спросила девочка. – Первый раз такое вижу, чтобы из автоматической пушки палили…

– Это не пушка.

– Какая разница, – фыркнула гостья. – Я же девочка, мне можно ошибаться.

– Ты не девочка, ты оборотень. – Я внимательно всмотрелся ей в лицо. – И я тебя помню.

– Да? – С нее вдруг слетела вся бравада. – Помните?

– Конечно. Тебя зовут Галя. Это ты заметила ведьму Арину, когда она похитила мою дочь.[5]

– Помните. – Девочка улыбнулась. – А я думала, вы забыли давно…

– Нет. – Я протянул ей бокал с вином. – Спасибо. Ты тогда очень нам помогла.

– У вас хорошая дочка. – Она смело глотнула вино, чуть поморщилась. – И жена очень красивая.

Я кивнул и спросил:

– Что ты намерена делать теперь?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Завулон мне сказал, что это очень ответственное задание. Что я должна вам помогать, хоть вы и Светлый. Защищать от всего.

– А почему именно ты? – спросил я. – Ты, уж извини, все-таки очень молода. И уровень у тебя всего лишь пятый.

– Потому что я… – Галя осеклась. – Я же помогла? Хоть и пятый уровень.

– Помогла. – Я залпом выпил свой коктейль. – Извини, я ужасно хочу спать.

– Я тоже. Но у меня там так страшно. Все красное и черное. Можно, я с вами останусь? – Она глянула на меня – и смущенно опустила глаза.

Поставив стакан, я кивнул:

– Конечно. Диванчик тебя устроит? Подушку и одеяло я дам.

– Светлый… – с обидой и разочарованием протянула девочка. – Ладно, пойду из этих райских кущ в свой филиал ада. Там, пожалуй, будет веселее!

С бокалом в руках она гордо вышла из номера. Я заглянул через порог – и впрямь ее номер был выдержан в багрово-черных тонах. На полу виднелись клочья черной шерсти – девочка перекидывалась так быстро, что преобразовала шкуру не полностью.

Притворяя за собой дверь, Галя показала мне язык.

А я, закрывшись, принялся тихо смеяться.

Акселерация, эмансипация и сексуальная революция! Нет, врать не буду. Мне все-таки приятно, что четыре года назад эта девочка на меня запала. Ну или не четыре. Может быть, влюбилась она потом. Задним числом, так сказать. Когда на волне гормонов пришла пора романтических переживаний и смутных желаний.

Нет, ну как она меня соблазняла! Ножку на ножку закинула, халатику позволила сползти, глазками кокетливо стреляла.

Но самое смешное – другое. Будь на моем месте кто-то другой – она бы все равно пришла. После перекидываний у оборотней резко повышается либидо. Некоторые этим специально пользуются, чтобы приобрести репутацию страстных и неутомимых любовников.

Да, порой становится очень обидно, что я Светлый…

---

[5] Эта история описана во второй части книги «Сумеречный Дозор». *–Примеч. авт.*

Впрочем, спать хотелось так, что предаваться волнующим фантазиям о сексе с юной девушкой-оборотнем не было никакого желания. Несколько сторожевых и защитных заклинаний я поставил совершенно автоматически, это был такой же ритуал, как почистить зубы перед сном. Потом забрался в постель, вслушался в шум за окнами – город еще гулял, город не спешил засыпать. Взяв мобильник, я включил музыку, закрыл глаза. Время кассетных плееров ушло вслед за грампластинками, время мини-дисков так и не случилось, теперь уходит и время компакт-дисков. Остается холодная цифра MP3. Но мы привыкли. Нас это больше не смущает.

Так начинается свет.
Темная ночь без особых примет.
Но кто-то вошел в этот мрак.
Тебе пока невдомек, что и с тобой будет так же.
Да, это похоже на бред, да, это похоже на глюк,
Но именно так начинается свет, так кончается страх,
Так рождается звук.

Так кончается страх.
И ты выпил отвар из отравленных трав.
Из тщательно спрятанных книг.
Теперь каждый твой крик – это тоже улика.
Столько несчастий и бед.
Столько бессмысленных мук.
Но только так начинается свет, так кончается страх,
Так рождается звук.

Скоро день похорон.
Так рой этот ров под рев воров и ворон.
Хорони свою смерть.
Наворожи себе жизнь, нагадай себе свет.
Первый оставленный след.
Последний потерянный друг.
Так начинается свет, так кончается страх,
Так рождается звук…[6]

Я уснул. И в моем сне в меня никто не стрелял. Никто никому не отрезал голову тупым ножом. Никто ни за кем не гнался.

Девочки в шелковых халатах там отсутствовали, но и для Светы места не нашлось. И только чей-то взгляд, любопытный и недобрый, все не отпускал и не отпускал меня.

Просыпаться от телефонного звонка всегда неприятно. Даже если звонит любимая женщина или старый друг.

За окном уже было светло. Я оторвал голову от подушки, оглядел спальню – все в порядке, только одеяло во сне я скинул на пол. Потянулся за трубкой, посмотрел на номер.

Вместо номера телефон скромно написал «Завулон», хотя номер Темного, конечно же, не был забит в мою адресную книжку.

– Слушаю, Темный.

– Как здоровье, Антон? – участливо спросил Завулон. – Плечо зажило?

[6] Кирилл Комаров. *Так рождается звук.*

– Благодарю, все в порядке. – Я невольно потрогал место, где еще вчера была рана. Кожа там была розовая и чесалась.

– Рад, что мой подарок пригодился, – все тем же любезным тоном продолжал Завулон. – Хотел поделиться с тобой информацией. В Великобритании кандидатов на роль Зеркала нет. Есть один во Франции, один в Польше, двое в Италии… ума не приложу, зачем Томасу приспичило вытаскивать в Эдинбург именно Егора.

Понятно. Моя наивная хитрость успехом не увенчалась. Завулон все-таки докопался до истины.

– Надеюсь, он не понадобится, – сказал я.

– Конечно-конечно, – поддакнул Завулон. – Это уже свинство какое-то, опять эксплуатировать бедного мальчика в интересах Света… Антон, дорогой мой, а что все-таки там творится? Я слышал, вчера произошло второе убийство? Еще одного человека обескровили?

– Да, – сказал я, садясь в кровати. – Еще одного. Отрубили голову макетом гильотины.

– А что сделали с кровью? – полюбопытствовал Завулон.

– Слили в ведро для мытья пола.

– Понятно.

– Рад, что вам что-то понятно, – сказал я.

– Ну, не скромничай, Антон… – Завулон помедлил. – Поинтересуйся у Фомы, давно ли он навещал соседа по могиле.

– Чего? – Мне показалось, что я недослышал. – Могилу соседа?

– Давно ли он навещал соседа по могиле, – со смешком произнес Завулон. И прервал связь.

Ругаясь вполголоса, я встал, отправился в ванную. Привел себя в порядок, принял холодный душ. Надел рубашку с короткими рукавами и джинсы, почему-то на легкомысленные шорты и футболку меня больше не тянуло, позволяла бы погода – влез бы в свитер или пиджак.

Телефон зазвонил снова.

– Слушаю, Гесер, – глянув на дисплей, произнес я.

– Как ты там?

– Плечо зажило, – ничуть не сомневаясь, что Гесеру все известно, ответил я.

– Какое еще плечо?

– Вечером в меня стреляли. – Я коротко пересказал ему случившееся. В трубке повисло такое гробовое молчание, что я дунул в микрофон, будто в старом проводном телефоне.

– Я думаю, – сухо сказал Гесер. – Думаю…

– Может быть, я вначале пойду завтракать?

– Сходи, – позволил шеф. – А потом разыщи Фому. Скажи ему, что на недомолвки и притворство больше нет времени. Пусть проверит Руну.

– Какую именно? – спросил я тоном человека, день-деньской проверяющего Руны.

– Руну Мерлина.

– А… – сказал я, медленно начиная что-то соображать. – Мерлина… Разве она не в могиле?

Я ляпнул наугад, но по молчанию Гесера понял, что попал в точку.

– Антон, откуда ты… – Он коротко выругался. – Найди Фому и поговори с ним начистоту! Я с ним тоже свяжусь.

– Есть! – отчеканил я. Спрятал трубку в карман.

Вот оно как, да?

Есть Руна. Руна в могиле. Могила Мерлина.

Но ведь Мерлин – персонаж мифологический? Король Артур, рыцари Круглого стола, Мерлин… Никого из них никогда не существовало!

Ага. А также не существует Великого Гесера и Томаса-Рифмача. А также сумасшедших вампиров, девочек-оборотней, Светлых целительниц и строптивых молодых магов, по недосмотру получивших Высший уровень Силы…

Как ни странно, но настроение у меня стремительно улучшалось. Может быть, потому, что дело сдвинулось с мертвой точки? Я сбежал вниз по лестнице, поздоровался с давешним портье и открыл дверь ресторанчика.

Там не было ни единого человека.

Только два молодых вампира и девочка-оборотень.

Вампиры ели карпаччо. Галя – омлет. Удивительно, обычно после двух трансформаций подряд оборотни лопают мясо килограммами.

– Утро доброе, – приветствовал я соседей.

Вампиры криво улыбнулись и кивнули. Галя принялась ковырять вилкой омлет. Понятное дело: гормональная волна схлынула, и теперь ей неловко. Она где-то ухитрилась добыть одежду – черные брючки, белая блузка, пиджачок с короткими рукавами. Что-то подобное носят школьницы в японских мультиках.

– Привет, – усаживаясь рядом, сказал я. – Отдохнула?

– Угу.

– Кошмары не мучили? Жутковатый у тебя номер, неудивительно, что боялась ночевать. Дизайнер перестарался, верно?

Галя задумчиво посмотрела на меня. Отправила в рот кусок омлета, прожевала, сказала:

– Спасибо, Светлый. Но ты мне нравишься, честно. Хочешь, я тебе поесть принесу? Поухаживаю?

– Принеси, – согласился я.

Девочка пошла к шведскому столу – омлет и яичница в подогревающихся судках, хлеб, колбаса, сыр, мясо, чуток зелени. В углу, у двери на кухню, стоял маленький холодильник. Интересно, кровь для вампиров хранится там? Или ее разливает бармен по вечерам? Сейчас барная стойка была пустой, даже краны для пива были закрыты цветастыми чехлами.

У меня снова зазвонил телефон.

– Дайте же мне поесть, – взмолился я, хватая трубку.

– Антон?

– Слушаю вас, Фома.

– Вы уже поднялись, Антон?

– Да. Завтракаю.

– Я пришлю за вами машину. Вы сможете выйти из отеля минут через пять?

– Э… – Я уставился на Семена, появившегося в дверях. Семен сиял и радостно махал мне рукой. – Ничего, если я с товарищем?

– С этой Темной? Девочкой-оборотнем? Не стоит.

– Нет, ко мне приехал товарищ из Москвы. Светлый маг.

Фома вздохнул:

– Хорошо, Городецкий. Приезжайте вдвоем. Водитель знает, куда ехать.

– Мне надо вас кое о чем спросить, – предупредил я.

Лермонт снова вздохнул:

– Боюсь, что мне тоже надо… кое о чем вам рассказать. Поторопитесь, я жду.

Спрятав телефон, я улыбнулся подошедшей с тарелками и кофейником Гале. Одновременно от дверей приблизился Семен.

– Я вам взяла кофе, почему-то решила, что вы будете кофе, а не чай, – гордо сказала девочка. Подозрительно посмотрела на Семена.

– О! Галочка Добронравова! – Семен расплылся в улыбке. – Помню-помню… Как учишься? Как Марина Петровна?

Лицо девочки пошло красными пятнами. Она поставила посуду на стол.

– Представляешь, – доверительно сказал мне Семен, – невзлюбила Галочка свою учительницу химии. И стала ее пугать. По вечерам подкарауливала возле дома, предварительно перекинувшись, рычала и скалила зубы. Представляешь? А муж у скромной учительницы химии оказался скромным милиционером патрульно-постовой службы. И вот на третий вечер, как это всегда бывает в сказках, вышел он, слегка озабоченный нашествием агрессивных собак, встречать с работы жену. Увидел нашу Галочку, скалящуюся из кустов, понял, что это не собака, а волк, выхватил пистолет и расстрелял всю обойму. Две пули, кстати, попали Галочке в попу, когда она улепетывала от разъяренного стража порядка. Тут все закрутилось, мы выяснили, в чем дело, приехали к Гале домой, побеседовали… Ничего, обошлось без Инквизиции. Спустили дело на тормозах.

Девочка развернулась и выбежала из столовой. Вампиры проводили ее задумчивыми взглядами.

– Зря ты так сурово, – сказал я. – Она вчера бросилась под пули, чтобы спасти меня.

Семен подхватил с тарелки кусок колбасы, прожевал. Вздохнул:

– Сплошная соя… Что под пули бросилась – это хорошо. А что учительницу травила?

– Это плохо, – мрачно сказал я.

В ожидавшее нас такси мы погрузились вместе с завернутым в халат роботом-стрелком. Металлическая тренога торчала наружу, но нас это не слишком смущало.

Водитель был человеком. Похоже, в эдинбургском Дозоре куда шире использовали труд наемных людей, чем это принято у нас. Мы быстро выехали из туристического центра и покатили куда-то в сторону залива.

– Спасибо, что вызвал, – сказал Семен, с нескрываемым удовольствием глядя в окно. – Я уж засиделся в Москве… Рассказывай, что тут происходит?

Я начал рассказывать. Вначале Семен слушал со снисходительным интересом старого опытного бойца, которому салага-новобранец пересказывает какие-то ужасы. Потом посерьезнел.

– Антоха, а ты уверен? Насчет того, что Сила туда стекает?

– Попросить шофера вернуться, проехать мимо «Подземелий»?

Семен вздохнул. Покачал головой. И коротко произнес:

– Схрон.

– То есть?

– Тайник. Там спрятано что-то очень важное.

– Семен, я все-таки не пойму…

– Антон, представь себе, что ты очень-очень сильный маг. И можешь, к примеру, ходить на пятый уровень сумрака.

– Не могу.

– Представить?

– Ходить не могу. Представить – запросто.

– Ну так представь. Можешь ты ходить так глубоко, как никто из известных тебе Иных. Потребовалось вдруг тебе спрятать что-то очень ценное. Магический артефакт, мощное заклинание… да хоть бы и мешок с золотом. Что делать? В землю зарыть? Найдут. Особенно если ты прячешь магическую вещь, она ведь вокруг себя возмущения в Силе создает, как ты ее ни закрывай. Тогда ты берешь эту штуку, уходишь глубоко в сумрак…

– И оставляю ее там. Допустим, на пятом слое. – Я кивнул. – Но предмет из нашего мира будет выталкивать обратно…

– Вот для этого тебе и нужен постоянный приток Силы. Ну… будто ты плавучий предмет на дно ванны поместил. Сам по себе он всплывет. А вот если его сверху будет прижимать поток воды…

– Понял я, Семен.

– У тебя идеи есть, кто и что там спрятал?

– Есть, – признался я. – Только вначале я спрошу об этом Фому.

В кармане опять зазвенел телефон. Ну что за наказание…

– Да? – не глядя на экран, сказал я.

– Антон, это Гесер.

Голос у шефа был какой-то странный. Будто бы растерянный.

– Слушаю.

– Я поговорил с Фомой… он обещал быть с тобой откровенным. И с Семеном, уж если на то пошло…

– Спасибо, Борис Игнатьевич.

– Антон… – Гесер помолчал. – Тут еще одно… Покопались мы в прошлом Виктора Прохорова. И кое-что нашли.

– Ну? – Я уже понял, что ничего хорошего ожидать не приходится.

– Тебе его фотография не показалась знакомой?

– Обычный парень. Рожа московская, среднестатистическая. – Я поймал себя на том, что начинаю грубить, как всегда в минуты волнения. – В любом институте таких парней… каждый второй.

– Попробуй представить Виктора помоложе. Юношей, подростком…

Я честно попробовал. И ответил:

– Получится московский среднестатистический школьник. В каждой школе таких…

– А ведь ты его скорее всего видел, Антон. И неоднократно. Он учился в одном классе с твоим бывшим соседом Костей Саушкиным. Был его хорошим приятелем, можно сказать – другом. Наверняка частенько забегал к нему домой. Думаю, порой натыкался на тебя, размахивая портфелем и хохоча без всякой причины.

– Не может быть… – прошептал я. Слова Гесера меня настолько ошарашили, что я даже не удивился небывалой красочности его рассказа. Размахивая портфелем и хохоча? Да легко. Если в твоем подъезде живут дети, ты обязательно натыкаешься на их портфели, слышишь смех и наступаешь на комочки жевательной резинки. Кто же при этом запоминает лица…

– Антон, это правда. Единственным знакомым вампиром у Виктора был Костя Саушкин.

– Гесер, но Костя погиб![7]

– Да, я знаю, – сказал Гесер. – Или, точнее, мы так считали.

– Он не мог спастись, – сказал я. – Никак не мог. Триста километров от Земли. Там нет Силы. Он сгорел в атмосфере. Он сгорел, понимаешь, Гесер? Сгорел!

– Не ори, – спокойно попросил Гесер. – Да, сгорел. Мы вели скафандр радарами до самого конца. Но мы не знаем, Антон, был ли Костя Саушкин в этом скафандре. Высота была уже совсем другой. Надо думать. Надо считать.

Он отключился. Я посмотрел на Семена – тот печально покачал головой:

– Антон, я услышал.

– Ну?

– Не видел труп – не спеши хоронить.

Фома Лермонт жил в пригороде. В тихом и недешевом районе уютных коттеджей и ухоженных садиков. В саду он нас и встретил. Глава эдинбургского Ночного Дозора сидел в

[7] Эта история описана в третьей части книги «Сумеречный Дозор». *–Примеч. авт.*

деревянной беседке, увитой плющом, и раскладывал на поцарапанном журнальном столике пасьянс. В мятых серых брюках и трикотажной рубашке поло он выглядел мирным гражданином предпенсионного возраста. Еще бы кучу внуков-внучек вокруг – и получится пожилой глава большого семейства. При нашем появлении Лермонт вежливо привстал, поздоровался со мной и Семеном, после чего сгреб карты в кучу, пробормотав:

– Не выходит…

– Фома, мне кажется, что пора поговорить начистоту. – Я покосился на Семена. – Вы не против, если мой коллега будет присутствовать?

– Не против. Гесер за него поручился.

– Фома, сегодня со мной говорил Завулон из московского Дневного Дозора.

– Я знаю, кто такой Завулон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.